

PG 3337

.I3 B9

1867

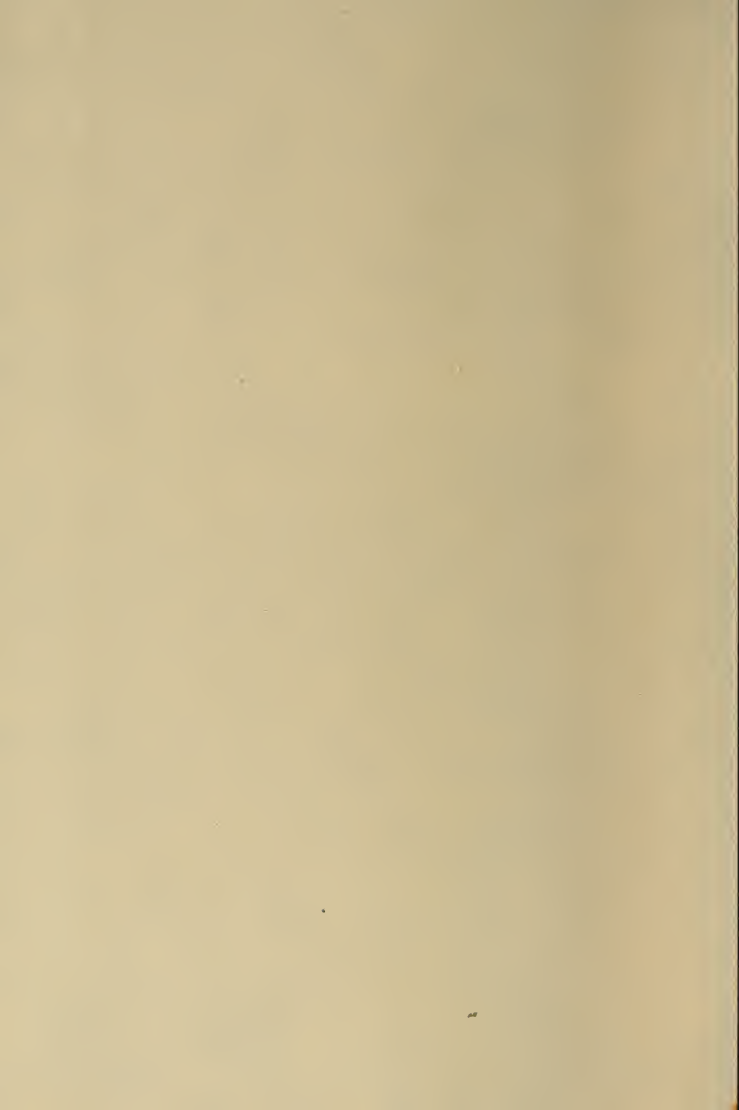
LIBRARY OF CONGRESS

00004091577

БЫВАЛОЕ и НЕБЫВАЛЬЩИНА.

ПАВЛА ЯКУШКИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1867.

ИЗДАНИЕ В. Е. ГЕНКЕЛЯ.

У Пивческаго моста, домъ Утина, кв. № 37.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ В. Е. ГЕНКЕЛЯ.

СТЕПНЫЕ ОЧЕРКИ

А. Левитова.

2 тома. С. Петербургъ 1865 г. 914 стр. Цѣна 1 р. 50 к.
съ пересылкою.

ПРОГРЕСЪ.

Сочиненіе Эдмонда Абу.

Переводъ съ французскаго. 2 тома. 584 стр. Ц. 1 р. 50 к.
съ пересылкою.

КАРЛЬ ФОГТЪ. СТАТЬИ

ПО ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЮ

И ДРУГІЯ.

Переводъ П. Копрани.

Одинъ томъ. 436 стр. Ц. 75 коп. съ пер. 1 руб.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТИПЫ.

Очерки Всев. Крестовскаго.

Спб. 1865 г. 195 стр. Ц. 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТОЧКИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

ОЧЕРКИ ВСЕВ. КРЕСТОВСКАГО.

Спб. 1865 г. 208 стр. Ц. 50 к.

Акушкин, Р. I.

БЫВАЛОЕ

И

НЕБЫВАЛЬЩИНА.

Павла Акушкина.

Санктпетербургъ.

ИЗДАНИЕ В. Е. ГЕНКЕЛЯ.

1867.

PG 3337

. I3 B9

1867

Дозволено ценсурою. С. Петербургъ, 27 октября 1866 г.

5719
88-13922
5/9/88

Въ печати В. Головина, у Владимірской д. Фредерикса № 15.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Небывальщина I	1
» » II	25
» » III	47
» » IV	68
Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь . . .	123
Мужицкій годъ	145
Изъ путевыхъ замѣтокъ	164
Отрывки безъ конца и начала:	
I. Воля	182
II. Трехденка	186
III. До воли	190
IV. Сходка	193
V. Порубки	203

НЕБЫВАЛЬЩИНА.

Искра 1864 г.

Никто столько не видывалъ видовъ, сколько нашъ братъ — странникъ: чего только не увидишь, чего не услышишь? И всѣ впечатлѣнія новы, встрѣчи неожиданны. Оттого-то на Руси такъ много путешественниковъ, или, какъ ихъ народъ называетъ: странниковъ. Большинство, и огромное большинство, странниковъ-богомольцевъ, странствуетъ по монастырямъ и церквамъ, прикрываясь только душеспасительною цѣлю, а въ самомъ дѣлѣ ихъ прельщаетъ перемѣна впечатлѣній; а въ послѣдствіи эта жажда новизны доходитъ до какой-то нравственной распущенности: хочется мѣсто перемѣнить и только; какъ ни хорошо жить

дома, а все куда-то хочется; просто — на мѣстѣ не сидится. Простой человѣкъ объясняетъ свое желаніе шлѣться тѣмъ, что онъ «*хочетъ Богу трудиться*», хочетъ этими трудами пользу душъ принести, а странники, заподозрѣнные въ большей развитости, бродяжничество свое прикрываютъ пользой наукъ; они тоже объявляютъ, что хлопочутъ о наукъ. Какъ странники-богомольцы, такъ и странники съ ученой цѣлью, совершенно не приготовлены для своихъ трудовъ. И въ самомъ дѣлѣ, я знаю *только одного* путешественника по Россіи приготовленнаго къ своимъ работамъ, — г. Тарачкова, учителя естественныхъ наукъ орловскаго кадетскаго корпуса, ѣздившаго по средней полосѣ Россіи, писавшаго въ орловскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ и издаваемаго въ послѣдствіи свои замѣтки въ Орлѣ, и можетъ быть по этому или по своей специальности не совсѣмъ извѣстнаго читающей публикѣ. Другіе же странники и не

думали себя готовить къ чему бы то ни было. Возьмите вы хоть путешественниковъ — собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ (Кирѣевскій умеръ), сказокъ и тому подобнаго; думали ли они когда нибудь заниматься своимъ дѣломъ? Собирателю пѣсенъ, напримѣръ, кромѣ умѣнья читать и писать, должно знать музыку; пѣсня, записанная безъ голоса, теряетъ половину своего значенія, а изъ всѣхъ собирателей нѣтъ ни одного, который бы могъ записать самый простой мотивъ. При изданіи пѣсенъ необходимо сравнить ихъ съ другими, по крайней мѣрѣ славянскими пѣснями, а изъ насъ никто не знаетъ ни одного славянскаго нарѣчія... Впрочемъ, я долженъ оговориться: никто, кромѣ В. А. Безсонова... А впрочемъ, какой же онъ собиратель? Вѣдь онъ собиралъ пѣсни по чужимъ сборникамъ, да по сочиненіямъ Симеона Полоцкаго; а при своей жадности къ этому дѣлу, голоса для этихъ пѣсенъ подобралъ изъ мотивовъ разныхъ италъ-

янскихъ оперъ; странствія же его было немного: онъ странствовалъ только по Москвѣ, да, кажется, разъ съѣздилъ къ кому-то въ гости верстъ за сто, да тамъ и записалъ отъ одной горничной *стихъ духовный*. Кто не вѣритъ мнѣ въ этомъ, того могу попросить посмотрѣть изданіе П. А. Безсонова — Каликъ переходящихъ; но вѣдь это удастся одному г. Безсонову. Но о П. А. Безсоновѣ — въ другомъ мѣстѣ, а теперь, повторивши, что изъ всѣхъ странниковъ - наблюдателей одинъ только г. Тарачковъ знаетъ зачѣмъ пошелъ въ странствіе, я скажу, что если вы спросите каждаго изъ странствующей братіи, ученыхъ ли наблюдателей надъ русской народностью или странниковъ - богомольцевъ, вамъ расскажутъ много и много такихъ встрѣчъ и приключеній, о которыхъ человѣку не странствовавшему никогда и въ голову не можетъ придти.

Едва вы вышли изъ дому въ путь, какъ васъ ожидаютъ встрѣчи съ простымъ лю-

домъ и начальствомъ. Съ простымъ людомъ встрѣтиться не бѣда: отъ него отдѣлаться было въ прежнее, крѣпостное время легко, не смотря на его любопытство.

Идете вы путемъ-дорогой въ мѣстахъ, въ которыхъ васъ никто не знаетъ, да и ближайшій вашъ знакомый живетъ верстахъ въ двухстахъ, а то и больше. Попадается вамъ попутчикъ изъ ближайшей деревни:

— Здравствуй, почтеннѣйшій! заговариваете вы съ нимъ: — Куда Богъ несетъ?

— А мы вотъ въ ту деревню, — отвѣтитъ вамъ мужикъ: — Мы тутошніе....

— Тутошніе? спросите вы, чтобы какъ нибудь вызвать его на разговоры.

— Тутошніе, родимый! Мы изстари тутошніе... А ты отколь идешь? Ты вѣдь не здѣшній?

— Не здѣшній, почтенный, не здѣшній.

— Отколь же идешь?

— Да я изъ-за Москвы.

— Изъ-за Москвы?... Знаю... А по ка-

кимъ такимъ дѣламъ идешь? спроситъ онъ, не для того, чтобъ узнать съ полицейской цѣлью, кто вы, зачѣмъ идете, а единственно изъ любопытства, если не для того только, чтобъ не молчать дорогой, а поболтать отъ скуки.

— По какимъ такимъ дѣламъ идешь?

— А по своимъ, добрый человѣкъ.

— А? По своимъ! скажетъ онъ, какъ будто совершенно понялъ откуда, куда и зачѣмъ вы идете, нимаго не обидясь вашимъ, въ такой степени яснымъ отвѣтомъ.

Потомъ вы съ нимъ разговоритесь; онъ вамъ будетъ благодаренъ, если вы примете, или хоть покажете участіе въ его горѣ, о которомъ русскій человѣкъ любитъ потолковать со всякимъ; а если вы ему покажетесь, и его изба будетъ по пути, — зазоветъ васъ къ себѣ обѣдать или ночевать. Впрочемъ, это было сперва, еще до 19 февраля, теперь не то. Въ былыя времена поймай бродягу, поведешь къ началь-

ствѣ, самаго затаскають по судамъ, станутъ спрашивать: какъ поймалъ, гдѣ поймалъ, да и сдѣлають причастнымъ къ дѣлу, не радъ будешь, что и поймалъ недобраго человѣка; а теперь начальство — мировой посредникъ, а мировой посредникъ свой человѣкъ: приведешь къ нему или хоть къ сельскому старостѣ — тебѣ ничего не будетъ: сдать на руки — тебя сейчасъ же и отпустятъ. А потому встрѣча съ простымъ мужикомъ, кому бы то ни было, какъ бы кто ни былъ извѣстенъ за нехорошаго человѣка, ни для кого не опасна, тогда какъ въ старые годы, встрѣтиться въ деревенской глуши съ начальствующимъ лицомъ иногда значило попасться въ бѣду, а чѣмъ ниже было начальство, тѣмъ было хуже. Напримѣръ, у меня была встрѣча съ сотскимъ... Но я долженъ сказать нѣсколько словъ о тогдашнемъ моемъ путешествіи.

Я тогда былъ еще студентомъ московскаго университета. Въ одинъ прекрасный день купилъ рублей на десять разнаго

товара, уложилъ въ коробку и отпра-
 вился въ путь; и съ этой коробкой, — коро-
 бейникомъ пришелъ въ одно большое село,
 одной изъ близкихъ отъ Москвы губер-
 ній. Въ этомъ селѣ я и положилъ имѣть
 свою главную квартиру. Познакомившись
 съ сыномъ моего хозяина, парнемъ лѣтъ
 20-ти, мы съ нимъ не разставались недѣли
 двѣ. Пообѣдавши съ нимъ часу въ 9-мъ
 поутру, мы съ нимъ отправились *торговать*
 по сосѣднимъ деревнямъ, и, надо правду
 сказать, пѣсенъ собрали много, денегъ же
 наторговали одинъ двугривенный, потому
 что мой товаръ былъ *безцѣнный*. Такъ на-
 примѣръ, какъ вы опредѣлите цѣну этому
 товару: 3 пары серегъ стоили мнѣ двѣ ко-
 пѣйки ассигнаціями, по тогдашнему—грошъ;
 сколько я долженъ былъ брать за одну па-
 ру? Поэтому я за свой товаръ рассчиты-
 вался пѣснями, и одной только неотвязчи-
 вой попадѣ, за двугривенный продалъ пла-
 токъ, и по сю пору не зная, дорого или
 дешево отдалъ этотъ платокъ.

Поторговавши такимъ образомъ часовъ до четырехъ, мы возвращались домой, гдѣ уже собрался веселый народъ: парни, дѣвки, старикки, старухи... всѣхъ возрастовъ людъ, кто только желалъ выпить, сколько кому хотѣлось; всѣ ждали, вѣроятно съ большимъ нетерпѣніемъ моего возвращенія, чтобы веселить и веселиться....

Повадился ко мнѣ, на мою главную квартиру, какой-то сотскій; правда, сидѣлъ онъ у меня не долго: придетъ, выпьетъ и уйдетъ. Но при этомъ благоразуміи онъ оказывалъ мнѣ страшную непріятность: люди, желающіе выпить — народъ веселый, а этотъ народъ веселый податей платитъ разумѣется, не совсѣмъ былъ охотникъ.

Придетъ бывало этотъ господинъ, всѣ веселы, всѣ радостны... а придетъ это начальство — всѣмъ неловко, всѣ видятъ себя не такъ, какъ они должны себя про себя понимать, и какъ они должны себя держать передъ начальствомъ.

— Не ходи ты, братъ, когда у меня

поютъ и пляшутъ, говорилъ я не разъ, — а приходи одинъ на одинъ; я тебѣ сколько хочешь водки дамъ. Вѣдь ты видишь — ты мнѣ мѣшаешь....

— Хорошо, хорошо! обыкновенно говорилъ онъ мнѣ; а между тѣмъ прихаживалъ ко мнѣ всякій разъ на вечеръ, когда были у меня гости веселые, не забывая въ тоже время приходить ко мнѣ и поутру.

Сижу я разъ въ избѣ за столомъ. Избранный на ту пору мой пріятель сидѣлъ съ правой руки и распоряжался штофомъ, стоявшимъ на столѣ, а пѣсни пѣвшій — съ лѣвой, и какъ теперь помню, лѣвый мой сосѣдъ пѣлъ:

А и я то православный царь,
Не хочу мужиками ругатися,
А татарамъ потѣшатися!
Не добро татарамъ тѣшиться
Надъ русскими православными,
А тѣшиться ли не тѣшиться —
Мужику ли надъ татарами.

Едва успѣлъ кончить пѣсню мой сосѣдъ, вошелъ сотскій.... Всѣ замолчали....

— Здравствуй! обратился ко мнѣ сотскій, взявшись за штофъ, стоявшій на столѣ. — Здравствуй, братъ!

— Здорово! отвѣчалъ я съ большимъ и очень съ большимъ неудовольствіемъ: на ту пору этотъ сотскій былъ до крайности лишившимъ.

Сотскій сталъ наливать изъ штофа въ стаканъ водку, потихоньку, не торопясь.

— Зачѣмъ пьешь водку? спросилъ я не совсѣмъ любезно сотскаго.

— А вотъ, Иванычъ, водочки хочу пить, отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смѣшавшись.

— А водка-то твоя?

— Молчи, человекъ любезный! заговорилъ еще больше смѣшавшись сотскій.

— Молчать можно, а ты водки все таки не трогай; водка не твоя, да тебя никто и не подчивалъ.

Представьте себѣ положеніе этого господина; онъ — сотскій — все таки начальство, хоть малое, а какъ ни разсуждай, все начальство, и это начальство опозорено

передъ подначальственными людьми, самыми гуляками, за которыми накопилось пропасть недоимокъ, и которыхъ это начальство каждое утро за эти недоимки драло за вихоръ.

Начальство обидѣлось.

— Такъ водки не даешь? спросилъ сотскій: — водки твоей и попробовать нельзя?

— И пробовать нельзя. Я тебѣ сколько разъ говорилъ: приходи по-утрамъ и пей сколько хочешь, а только по-вечерамъ не мѣшай.

— Ну, ладно! заговорилъ пріосанясь сотскій: — А за какимъ такимъ дѣломъ, парень, ты здѣсь шатаешься?

— Да вѣдь ты знаешь, что я торгую?

— Какая чортъ торговля? Гроша мѣднаго ни отъ кого не бралъ.

— Ну, ужъ это мое дѣло.

— А, пожалуй, и не совсѣмъ твое! Ты на-первыхъ скажи: отколь ты сюда забрался?

— Это дѣло ты заговорилъ, господинъ сотскій: на это можно отвѣчать.

— Да ты дѣло говори: отколева ты пріѣхалъ?

— Изъ Москвы, господинъ сотскій.

— А пашпортъ есть?

— И пашпортъ есть.

— А покажи!

Я досталъ свой видъ и передалъ сотскому, тотъ взялъ, разложилъ его на столѣ и сталъ внимательно въ него всматриваться; долго, очень долго глубокомысленно на него глядѣлъ, и только глядѣлъ, а не читалъ, потому что онъ былъ не грамотный, и потомъ заключилъ такъ:

— А пашпортъ-то твой, парень, фальшивый!

— Это какъ ты узналъ?

— Узналъ!

— Вѣдь ты грамотъ не знаешь, какъ же ты могъ узнать, еслибы и въ самомъ дѣлѣ пашпортъ былъ фальшивый?

Сотскій этимъ замѣчаніемъ еще больше обидѣлся.

— Да что съ тобой много толковать!

рѣшилъ сотскій — пойдемъ къ становому, онъ тебя разберетъ.

Такого результата отъ моего отказа въ водѣхъ, отъ сотскаго я никакъ не ожидалъ, но какъ дѣло уже было сдѣлано и пардону просить было нельзя, сотскій могъ подумать и богъ-знаетъ что, то я, собравши все свое имущество, отправился къ становому. Сотскій изъ моихъ же пріятелей выбралъ четверыхъ конвоировать меня; но это было лишнее: за нами пошли всѣ, кто только былъ въ избѣ: болѣе двадцати человѣкъ; а какъ вышли изъ избы, къ намъ стали приставать всѣ встрѣчные, такъ что мы вышли изъ деревни толпою человѣкъ во сто, и всѣ ввалились въ другую деревню, версты за четыре, въ которой жилъ становой приставъ. Въ этой деревнѣ тоже всякій встрѣчный приставалъ къ нашей толпѣ.

Деревня, въ которой жилъ становой, выстроена была въ одну линію, передъ рѣчкою, на полугорѣ. Почти среди деревни, въ избѣ съ крашеными окнами, квар-

тировалъ становой, и передъ этой избой мы и остановились.

— Береги ловчѣй! приказывалъ сотскій мужикамъ, меня конвоировавшимъ. — Я знаю этого парня: плутъ; какъ разъ стрелка дастъ! Поди послѣ, лови!

Отдавъ это приказаніе, сотскій пошелъ къ становому, а меня, какъ по чину недостойнаго войти въ комнату начальства, оставили со всей толпой у крыльца. Толпа хоть говорила и въ полголоса, но все таки шумѣла; но когда черезъ четверть часа вышелъ становой, все замерло. Всѣ скинули шапки; одинъ только я, поклонившись становому, надѣлъ опять шапку. Становой вышелъ въ халатѣ, и замѣтно было, что онъ возсталъ отъ послѣобѣденнаго сна; и еще было замѣтнѣе, что онъ за обѣдомъ *время проводилъ не праздно*, другими словами сказать: за обѣдомъ господина становаго выпито было не мало.

— Что за человѣкъ? спросилъ меня становой, благоразумно избѣгая мѣстоименія:

мы сказать — можетъ быть и неловко, а *вы* — можетъ быть и не стоитъ. — Что за человѣкъ?

— Императорскаго московскаго университета университетантъ, отвѣчалъ я, желая придать себѣ болѣе значенія, а потому и не назвался студентомъ университета, думая, отчасти справедливо, что становой слыхалъ только о студентахъ семинарій, съ которыми церемониться нечего.

— Что же вы здѣсь дѣлаете? спросилъ меня становой, болѣе благосклоннымъ голосомъ.

— Собираю остатки нашей національной поэзіи, отвѣтилъ я.

— Какъ?

— Остатки нашей національной поэзіи, опять отвѣчалъ я недоумѣвающему становому.

— Какой поэзіи?

— Национальной.

— Да вы говорите просто: что такое вы дѣлаете?

— Я вамъ сказалъ.

— Ну, какъ вы собираете эту поэзію?

— Записываю.

— Что записываете?

— Пѣсни, сказки...

— А ты откуда пришелъ? спросилъ пріосанившійся становой.

— Изъ Москвы.

— Изъ Москвы за пѣснями?

— Изъ Москвы за пѣснями.

— Какъ, такой-сякой! Пословица говоритъ: въ Москву за пѣснями ѣздить, а ты изъ Москвы сюда за пѣснями пріѣхалъ!

И пошелъ, и пошелъ мой становой. Обижаться мнѣ было нечѣмъ: становой ругалъ собственно говоря не меня; я былъ въ то время въ качествѣ декораціи; толпа вся безъ шапокъ, одинъ только человѣкъ стоитъ въ шапкѣ, и этого-то шапочнаго ругаютъ нецензурными словами.

Бабы, мужики, мнѣ сочувствовали и гораздо болѣе меня принимали къ сердцу то оскорбленіе, которое мнѣ дѣлалъ своею бранью становой.

— Да за что же онъ надъ тобою такъ изругается, голубчикъ ты мой? говорила одна баба, приложивъ правую руку къ щекъ, а лѣвой поддерживая локоть правой.

— Ты, родненькій, не горюй, говорила другая — онъ у насъ добрый, только сердце свое сорветъ, а то ничего.... Отойдетъ сердце, самъ послѣ жалѣть тебя будетъ....

Такъ продолжалось около получаса. Вижу я — ѣдетъ на бѣговыхъ дрожкахъ одинъ *столичный* помѣщикъ (столичнаго помѣщика отъ деревенскаго — легко отличить) лѣтъ 25.

— Кто это ѣдетъ? спросилъ я у одного мужика, конвоировавшаго меня.

— Да это князь Н—ій, отвѣчалъ тотъ.

Князь Н—скій ѣхалъ крупной рысью, но, увидѣвъ большую толпу, поѣхалъ шагомъ.

— Князь! крикнулъ я — князь, пожалуйста сюда!

Князь подѣхалъ.

— Увѣрьте, пожалуйста, князь, господина становаго пристава, что студенту москов-

скаго университета можно ходить собирать
мужицкія пѣсни!

Становой замолчалъ въ ту же минуту
какъ подъѣхалъ князь Н—ій.

— А вы студентъ московскаго универ-
ситета? спросилъ князь, вѣжливо миѣ по-
клонясь.

— Да, студентъ.

— Ваша фамилія?

— Якушкинъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ отдохнуть
у меня нѣсколько времени?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Такъ садитесь! сказалъ онъ, подвигаясь ближе къ передку дрожекъ.

Я, не торопясь, поставилъ на дрожки
свою коробку съ товаромъ, потомъ самъ
сѣлъ на дрожки; князь тронулъ лошадь,
поклонился становому, я, въ свою очередь,
также поклонился, и мы поѣхали... Стано-
вой только улыбался.

Это было давно; по крайней мѣрѣ лѣтъ
двадцать тому назадъ. Съ тѣхъ поръ ста-

новые перемѣнились; а чтобы не сказать голословно, я вамъ расскажу слѣдующій казусъ.

У одного, очень хорошаго и образованнаго помѣщика, сосѣдніе мужики хлѣбъ лошадыми побивали, и онъ спустилъ разъ, спустилъ другой... Наконецъ, ему не въ терпѣжъ стало: послалъ за становымъ.

Пріѣхалъ становой, разобралъ дѣло и рѣшилъ, что мужики точно виноваты.

— Прикажете наказать мужиковъ розгами? спросилъ становой помѣщика.

— Нѣтъ; избави Господи! отвѣчалъ тотъ. А вы возьмите себѣ съ нихъ по полтиннику... или тамъ сколько...

— Вамъ или себѣ?

— Да... разумѣется... себѣ! Мнѣ ихъ денегъ совсѣмъ не надо! Возьмите для себя.

— Взялъ бы по полтиннику, отвѣчалъ становой — да полтинниковъ-то у нихъ у самихъ мало!.. Нѣтъ, ужъ въ другой разъ мнѣ этого, батюшка, не говорите!..

— Чтожь, братецъ ты мой, говорилъ

мнѣ этотъ помѣщикъ: — со стыда сгорѣлъ!..
Вотъ, мы съ тобой и учились, а вѣдь не
умѣемъ понять, что хорошо и что дурно...

Наученный опытомъ, я съ начальствомъ
никогда не ссорился.

Разъ приходитъ ко мнѣ сотскій, съ ко-
торымъ я уже завелъ большую дружбу:

— Павелъ Ивановичъ, таинственно заго-
ворилъ онъ: — Павелъ Ивановичъ!..

— Что тебѣ?

— Тебя велѣно поймать!

— Это за что?

— А чортъ ихъ знаетъ, Павелъ Ива-
нычъ! Исправникъ говоритъ: поймать!

— Да за что же?

— Онъ, говоритъ исправникъ, не тор-
гуетъ, а товары такъ раздаетъ; вѣрно не-
добрый человекъ!

— А ежели бы я и даромъ раздавалъ!

— Онъ, говоритъ исправникъ, или лавку
обокралъ, или отъ солдатчины бѣгаетъ!

— Съ чего же это онъ взялъ? спросилъ
я не совсѣмъ покойнымъ голосомъ.

— Онъ, говоритъ исправникъ, — по всѣмъ деревнямъ дебоширства дѣлаетъ.

— Какія же?

— А чортъ его знаетъ.

— Что же теперь дѣлать?

— И ума не приложу!

— Да вѣдь ты меня не будешь ловить! спросилъ я, очень сомнѣваясь, что я получу для себя выгодный отвѣтъ. — Не будешь меня ловить?

— Избави Господи!

— Что же дѣлать?

— Найми лошадь; я тебѣ въ этомъ дѣлѣ помогу, — ступай въ губернію.

— Сотскій мнѣ нанялъ лошадь, и я по его совѣту отправился въ губернскій городъ. Въ губернскомъ городѣ жилъ мой пріятель, у котораго я и остановился.

Послѣ распросовъ о моихъ успѣхахъ мы сѣсѣли обѣдать. Едва начался обѣдъ, какъ къ крыльцу нашей квартиры летомъ-подлетѣла тройка.

— Это мой дядя пріѣхалъ, сказалъ мнѣ

мой хозяинъ: — исправникъ, отъ котораго ты только что такъ успѣшно убѣждалъ... но онъ добрый человѣкъ.

— А! Ко шамъ! Ко шамъ! закричалъ дядя исправникъ еще изъ передней.

— Милости просимъ, дядя, милости просимъ! проговорилъ хозяинъ.

— Да какъ не просить милости, отвѣчалъ на это приглашеніе дядя-исправникъ: — право, братъ, голоденъ, какъ самая голодная собака!

Дядя-исправникъ сѣлъ за столъ.

— Ну, чтожь водки? спросилъ дядя.

— Кушай, дядя, кушай! привѣтливо отвѣчалъ хозяинъ: — водка на столѣ.

Онъ выпилъ рюмку водки, и не успѣвъ съѣсть нѣсколькихъ ложекъ щей, остановился.

— Знаешь что? обратился дядя къ своему племяннику-хозяину.

— Знаешь что?

— А что?

— Появился въ нашемъ уѣздѣ мошенникъ, да вѣдь какой, когдабъ ты зналъ!

— Какой же?

— Просто, братецъ ты мой, поймать не могъ: ускользаетъ да ускользаетъ!..

— Да что же онъ такое сдѣлалъ?

— Пока еще ничего!.. А ты подумай: цѣлый мѣсяцъ ходить по нашему уѣзду разносчикомъ: товаровъ хоть бы на грошъ тебѣ продалъ, а такъ, товаръ разбрасываетъ дѣвкамъ да молодымъ бабамъ. Пить, говорятъ, пьютъ, а этимъ дѣломъ не занимается.

— А хочешь, дядя, я тебѣ покажу этого человѣка? спросилъ, смѣясь, хозяинъ, которому я уже успѣлъ рассказать про собиравшуюся надо мной грозу.

— Да какъ же?!!

— Да вотъ онъ самый! смѣясь отвѣчалъ хозяинъ своему дядѣ-исправнику.

Дядя-исправникъ даже вздрогнулъ.

— Ну, батюшка Павелъ Ивановичъ! сказать дядя-исправникъ, когда ему рассказали въ 'чемъ дѣло: — ежели бы васъ поймали, не знаю — заковалъ бы я васъ или

не заковать... Право не знаю, но ужь вѣрно пріѣхали бы вы сюда на казенный счетъ, а не нанимать бы вамъ лошадей: непременно прислалъ бы васъ прямо къ губернатору. Кто васъ, теперешній народъ, кто васъ, знаетъ — зачѣмъ вы ходите!

II.

Но не всегда бываютъ встрѣчи, нашему брату опасныя только для себя: бываютъ эти встрѣчи иногда кажущіяся опасными и для встрѣтившихъ васъ. Расскажу вамъ слѣдующій со мною случай.

Пошелъ я изъ Москвы торговать въ одну не изъ самыхъ близкихъ губерній отъ этой старой нашей столицы. По методѣ, мной тогда принятой, я остановился въ одной деревенской избѣ, и оттуда дѣлалъ свои экскурсіи. Въ одинъ прекрасный день, часовъ въ восемь поутру, я обѣдалъ — мужики обѣдаютъ лѣтомъ всегда около этого

времени. — И я никакъ не могъ думать, что мой обѣдъ будетъ прекращенъ совершенно неожиданнымъ для меня случаемъ.

— Здѣсь разносчикъ? спросилъ, входя въ избу лакей въ ливреѣ, на которой было хоть не полное количество пуговицъ, но этотъ недостатокъ выкупался бѣльшимъ, сколько нужно, числомъ гербовъ на его изодранной ливреѣ. — Здѣсь разносчикъ?

— Здѣсь! отвѣчалъ я нехотя; да и не отвѣчать-то мнѣ нельзя было, по пословицѣ: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ; такъ и мнѣ, назвавшемуся торгашемъ, нельзя было отказаться отъ своего принятаго званія.

— А! Здѣсь?... приказывалъ лакей. — Пойдемъ къ господамъ: господа требуютъ.

Дѣлать было нечего; волей-неволей, а я отправился къ господамъ.

Прихожу къ господамъ и, какъ по чину мнѣ не полагалось идти дальше передней, дальше меня и не пустили.

Остановился я въ передней; вдругъ вы-

бѣгають ко мнѣ барышень девять или десять, хоть и не совсѣмъ въ приличномъ нарядѣ, но за то всѣхъ хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

Въ одну минуту вся моя коробка была на воздухѣ, или точнѣе сказать — въ рукахъ барышень.

— Какой у тебя товаръ дурной! говорила одна сестрица.

— Какой есть, барышни! отвѣчалъ я имъ смиренно.

— Какой есть!! ворчали тѣ брюзгливо и крайнекомнѣневърасположительномъ тонѣ.

— Какой есть, барышни, какой есть! Не взыщите пожалуйста! опять отвѣчалъ я этимъ барышнямъ, не желая показаться имъ тѣмъ, кѣмъ я въ самомъ дѣлѣ былъ.

— Это что у тебя? вдругъ радостно вскрикнула одна изъ барышень, отыскавши въ моей коробкѣ двѣ банки, каждая немного поболѣе одного стакана, одна съ бѣлымъ порошкомъ, другая съ краснымъ.— Это что такое?

— Это, отвѣчалъ я — въ одной банкѣ румяна, а въ другой бѣлила.

— И хорошія эти бѣлила и румяна?.. Хорошія или дурныя? хорошія, хорошія? — забормотали одна за другой мои барышни.

— Какъ кому покажутся.

— А можно посмотрѣть?

— Отчего же: можно.

Мои барышни развязали эти двѣ банки, взяли по щепоткѣ этихъ порошковъ, и, какъ люди, въ этомъ дѣлѣ опытные, начали пробовать на рукѣ: намочатъ руку, насыплютъ бѣлилами, румянами, разотрутъ, подойдутъ къ окну, посмотрятъ и уже потомъ вскрикнутъ:

— Ah! que c'est beau! Ah! que c'est beau!

— А что стоятъ двѣ эти банки? спросила одна изъ барышень, плохо скрывая свой восторгъ при такомъ важномъ открытіи.

— Дешевле двадцати пятицѣлковыхъ взять нельзя, проговорилъ я довольно серьезно.

— Какъ дорого! какъ дорого! закричали мои барышни.

Да и въ самомъ дѣлѣ, цѣна была неподходящая: обѣ эти банки стоили никакъ не дороже двадцати пяти копѣекъ, а я запросилъ двадцать пять рублей; на это была слѣдующая причина: этотъ товаръ былъ для меня необходимъ: въ каждой деревнѣ за пѣсни — бѣлилами да румянами я только почти и разсчитывался; продай эти двѣ банки, я долженъ бы былъ опять отправиться въ городъ за тѣмъ только, чтобы купить опять эти дорогія двѣ банки съ бѣлилами и румянами.

— Ah! que c'est beau! Ah! que c'est beau! услышавши такую баснословную цѣну, еще усиленнѣе кричали мои барышни, пачкая свои бѣлыя ручки бѣлилами и румянами, безъ всякаго сожалѣнія ни къ своимъ рукамъ, ни къ моему товару.

— Très joli!.. Да ты говори настоящую цѣну, наконецъ обратились ко мнѣ барышни.

— Меньше двадцати пяти рублей за эти двѣ банки мнѣ взять никакъ нельзя.

Барышни торговаться, я не уступаю ни

конѣйки; барышни еще усиленнѣе мажутъ свои руки и торгуются. Я все стою на своемъ.

— Меньше двадцати пяти цѣлковыхъ мнѣ взять никакъ нельзя, твердилъ я.

— Хочешь — цѣлковый? спросила меня одна изъ барышень.

— Какъ можно цѣлковый! Я никогда не торгуюсь, объявляю настоящую цѣну. — Барышни еще больше торговаться.

— Donnons lui deux roubles! стали барышни совѣтоваться между собой.

— Возьми два рубля, опять стали при-
ставать ко мнѣ барышни.

— Я вамъ уже сказалъ, что меньше двадцати пяти рублей взять никакъ не могу.

Барышни опять стали совѣтоваться.

— Trois roubles on peut donner.

— Да я меньше двадцати пяти рублей не возьму; какъ можно отдать за какіе нибудь три рубля! отвѣчалъ я, наскучивъ торгомъ, который продолжался болѣе часа.

— Какіе три рубля? быстро спросила меня барышня?

— Вы вотъ совѣтуетесь съ вашими сестрицами дать мнѣ за банки три рубля; а за три рубля я отдать ихъ никакъ не могу.

— А ты развѣ говоришь по французски?

— Немного понимаю.

— Да ты гдѣ учился?

— Я и теперь учусь.

— Гдѣ?

— Въ московскомъ университетѣ. Я тогда былъ еще студентомъ московскаго университета.

— Гдѣ?!!

— Въ московскомъ университетѣ.

— Какъ?!

— Обыкновенно какъ.

— Въ университетѣ!! взвизгнули барышни и всѣ посыпали вонъ изъ комнаты; а я сталъ по маленьку убирать свой товаръ.

Дѣло приняло чрезвычайно курьёзный видъ.

— А — а!! а — а... что это — мистификація? спросилъ меня, входя, почтенный старецъ, отецъ семейства. Старецъ этотъ

былъ толстый, лысый, усатый и въ халатѣ, и по всему видно было, что этотъ почтенный господинъ, прослуживъ сколько ему было надо, ни о чемъ не думалъ.

— Это мистификація? А — а?

— Только невольная, смиренно отвѣчалъ я, укладывая свой товаръ въ коробку и ожидая сильной грозы, и отъ этой грозы для себя сильной бѣды.

— Какъ невольная?

— Невольная.

— Это почему?

— Я хожу по деревнямъ не продавать, а совершенно съ другой цѣлью.

— Съ какой цѣлью?

— Собираю остатки народной поэзіи.

Мой господинъ совсѣмъ посоловѣлъ; онъ объ этихъ диковинкахъ никогда и не слыхивалъ. Замѣьте, что этому казусу прошло больше двадцати лѣтъ.

— Какіе же остатки народной поэзіи? спросилъ меня баринъ болѣе тихимъ голосомъ.

— Пѣсни, сказки, повѣрья, обычаи, от-

вѣчалъ я, закрывая свою коробку крыш-
кой.

— И только? уже совсѣмъ робкимъ голо-
сомъ спросилъ меня помѣщикъ.

— И только.

— Да вы гдѣ учились?

— Я и теперь учусь.

— Гдѣ?

— Въ московскомъ университетѣ.

Это совершенно озадачило помѣщика.

— Въ университетѣ?! не то онъ еще спра-
шивалъ меня, не то воскликнулъ это отъ
удивленія. Этого простому смертному по-
нять было совершенно нельзя.

— Да, въ университетѣ.

— И ходите за пѣснями, за сказками, и
все только за одними мужицкими?.. Да?..

— Только за мужицкими.

О, любезные читатели! Вы не можете
понять, какую бурю произвели эти мои со-
вершенно невинныя слова въ душѣ этого
высокопочтеннаго господина! Посудите са-
ми: повѣрить моимъ словамъ — чортъ знаетъ

что такое: дѣло совершенно имъ неслыханное; за такое дѣло, пожалуй, и подѣ судъ попадешь, коли не отправишь къ становаму собирателя... Да и не повѣрить-то тоже нельзя — дуракомъ назовутъ! Что тутъ дѣлать? Однако славянское гостепріимство одержало побѣду въ мою пользу.

— Да вѣдь это трудно, заговорилъ помѣщикъ, какъ-то смѣшавшись, — вѣдь это трудно... человѣку... воспитанному... нѣсколько... такъ сказать... образованному... съ мужиками?..

— Этого я вамъ не скажу, отвѣтилъ я, съ величайшимъ удовольствіемъ замѣтивши, что мнѣ отъ этой встрѣчи большой бѣды ждать нечего.

— Да вѣдь все съ мужиками?

— Нѣтъ; я иногда захожу отдохнуть и къ помѣщикамъ, — знакомымъ, ежели по пути.

Баринъ совсѣмъ растерялся.

— Да-а-съ?!!

— Да-съ.

Баринъ взглянулъ на меня болѣе довѣрчивымъ, болѣе ласковымъ взглядомъ.

— А... а... не угодно ли вамъ, милостивый государь, будетъ и у меня скольконибудь отдохнуть, хоть недѣлю, хоть двѣ — для меня все равно: мы по деревенски.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не могу.

— Это почему?

— Не могу столько времени отдыхать; мнѣ теперь время дорого, отвѣчалъ я, не желая столько времени убить въ этомъ семействѣ, положимъ, хоть и очень почтенномъ, но все таки мнѣ этого не хотѣлось.

— Да мы васъ не станемъ удерживать; пробудете нѣсколько дней и съ богомъ!.. Христось съ вами! ужь молилъ помѣщикъ:— И Христось съ вами!

— И на нѣсколько дней не могу!..

— На одинъ день...

— Право, мнѣ время дорого.

— Хоть пообѣдайте съ нами!..

— Очень вамъ благодаренъ, но только...

— А ежели только, — то вы обѣдаете у

меня! радостно заговорилъ помѣщикъ, какъ будто и богъ знаетъ какую штуку сдѣлалъ.

Я уже сталъ забрасывать свою коробку за плеча, но услыша такого рода просьбу, снялъ съ себя коробку, поставилъ ее на каминъ, и снялъ съ себя верхнее платье.

— И отлично!.. И отлично!.. твердилъ помѣщикъ.

— Я не знаю, чѣмъ заслужилъ такое ваше ко мнѣ расположеніе, отвѣчалъ ему на это я.

— Какъ чѣмъ?.. Очень радъ!..

— Очень вамъ благодаренъ...

— Очень радъ!.. Очень радъ!..

Кто не живалъ въ русскихъ деревняхъ, тотъ не пойметъ, чему такъ обрадовался этотъ господинъ; кто же хоть немного наблюдалъ за деревенскою жизнью помѣщиковъ (въ давно прошедшее время, до 19 февраля), тотъ съ разу вамъ скажетъ, что помѣщикъ этотъ *искренно* былъ радъ видѣть у себя *новаго человека*; до того пуста была ихъ обыденная жизнь, что они были рады всякому гостю, кто бы онъ ни былъ,

будь этотъ гость хоть приходскій попъ, или знакомый заѣзжій разносчикъ-володимірецъ, а еще лучше ежели сосѣдъ-помѣщикъ; съ тѣмъ можно и въ преферансикъ по копѣйкѣ передвинуть *): помѣщикамъ между собою не о чемъ было говорить.

— Очень радъ!.. Очень радъ!..

— Покорно васъ благодарю...

Мы вошли въ залъ.

Вы вѣрно знаете, какъ трафаретно расположены помѣщичьи дома и въ деревняхъ, и въ городахъ: передняя, залъ, гостиная, спальня, корридоръ, нѣсколько комнатъ заднихъ и дѣвичья.

И такъ, мы вышли изъ передней въ такъ называемый помѣщиками залъ.

— Очень радъ!.. Твердилъ помѣщикъ.

— Очень благодаренъ! въ свою очередь повторилъ и я.

*) Интересно бы было знать: на сколько уменьшилась цифра колодъ картъ съ многознаменательнаго 19-го февраля?

— А какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ меня, отъ радости забывши спросить объ этомъ прежде, — позвольте спросить: какъ васъ зовутъ?..

Я назвался.

— Ну, такъ, Павелъ Ивановичъ, погостите у насъ хоть немножко, хоть нѣсколько деньковъ.

— Этого, къ моему крайнему сожалѣнiю, рѣшительно не могу, отвѣчалъ я.

— Это почему?

— Дѣла!

— Ну, хоть одинъ день!

Я сталъ раздумывать: одинъ день куда ни шолъ, да и къ тому же и ночь, можетъ, не даромъ пройдетъ, свѣчку вѣрно дадутъ, стало быть можно замѣтки свои нѣсколько въ порядокъ привести.

— Одинъ денечекъ!

— Мнѣ, право, совѣстно!..

— Э!.. Ну, полно!

— Извольте!..

— Вотъ и славно! крикнулъ обрадовав-

шись мой новый хозяинъ, а вотъ сейчасъ и мои барышни придутъ, чтобъ вамъ не скучно было!..

— Очень вамъ благодаренъ.

— Да! Вы пьете водку?

— Д—да!.. Немного.

— Эй!.. Человѣкъ!.. крикнулъ еще болѣе обрадовавшійся баринъ, — человѣкъ!

Вышелъ лакей.

— Водки!

Человѣкъ пошелъ за водкой.

— Какъ радъ!.. Какъ радъ!.. Какъ радъ! въ сотый разъ твердилъ мой неожиданный хозяинъ.

— Очень благодаренъ, я въ свою очередь тоже въ сотый разъ повторялъ этому барину.

Принесли водку, въ двухъ, по обыкновенію, графинахъ; въ одномъ сладкая, въ другомъ горькая. При этомъ, разумѣется, на подносѣ были и грибы, и селедка, и копченая ветчина и т. д., что обыкновенно бываетъ для закуски при выпиваніи водки: такъ называемыя *спохмѣльныя кушанья*.

— Какую вы, Павелъ Ивановичъ, изволите водку кушать? ласково спросилъ меня хозяинъ.

— Горькую, Петръ Семеновичъ.

Мы выпили.

— Очень радъ, опять заговорилъ хозяинъ.

— Очень благодаренъ, опять затвердилъ я.

— А можно по другой? какъ-то заискивая, ласково смотря, спросилъ меня хозяинъ.

— И по другой можно!

Мы опять выпили.

— Да вы закусите хорошенько!..

Мы и закусили.

Когда было выпито и закушено довольно, стали влетать къ намъ въ залъ барышни — дочери... Да всѣ причесанныя, да всѣ приглашенные, да всѣ опрятныя: — хоть сейчасъ въ столицу!... И куда дѣвалось это прежнее неряшество?! Я думаю, что онѣ не имѣли никакого желанія передъ разносчикомъ очень чиниться, а для самихъ ихъ чистота и опрятность были дѣломъ совершенно лишнимъ; но передъ человѣкомъ

ихъ круга, за каковаго онѣ, по видимому, меня приняла, имъ неловко было явиться *неглиже*; а потому, воротнички на нихъ были безукоризненно чисты, а платья такъ и шурстѣли отъ крахмала.

— Пойдемте въ гостиную, сказала одна барышня, послѣ обычныхъ привѣтствій.

Мы съ барышнями пошли въ гостиную, а баринъ куда то скрылся.

— Ахъ, какъ вы насъ удивили, Павелъ Ивановичъ! залепетали одна за другой барышни.

— Позвольте узнать: чѣмъ?

— Да какъ же, Павелъ Ивановичъ!..

И какъ эти барышни узнали, что меня зовутъ Павломъ Ивановичемъ?.. Можетъ быть догадливый человѣкъ и скажетъ какъ это онѣ узнали, но для меня это осталось тайною, или, какъ говорилъ блаженный памяти Кайдановъ: покрыто мракомъ неизвѣстности.

— Удивили! Удивили!

— Чѣмъ же?

— Пришли разносчикомъ! лепетала одна сестрица.

— Разносчикомъ! визжала другая.

— Разносчикомъ! подвизгивала третья.

— На это были причины, о которыхъ я уже имѣлъ честь объявить вашему батюшкѣ.

— А какія?

— Какія?... Какія?... Какія?... сыпалось на меня со всѣхъ сторонъ.

Я сказалъ.

— Что, Павелъ Ивановичъ, въ сухомятку съ барышнями разговаривать?!. закричалъ баринъ, входя въ комнату, — пойдете-ка, выпьемте по одной: скоро обѣдать!

Я глянулъ на барина, баринъ также преобразился: изъ сальнаго халата онъ вылѣзъ и нарядился въ сюртукъ, и былъ — баринъ какъ баринъ, какъ быть должно.

— Пойдемъ-ка, выпьемъ!

— Пойдемъ-те!

Мы въ залѣ выпили, закусили и опять вернулись въ гостиную къ барышнямъ,

которыя хотѣли мнѣ что-то сказать, что ясно видно было, да не рѣшались.

— А у васъ, Павелъ Ивановичъ, мои барышни бѣлила да румяна, какъ слышно, покупали? заговорилъ баринъ, садясь на диванъ и пережевывая закуску.

— Да, торговали...

— Ахъ, какой вы, папа!

И это «ахъ, какой вы, папа!» изъ десяти прекрасныхъ устъ, повторилось по крайней мѣрѣ разъ тридцать, а можетъ быть и гораздо, гораздо больше...

— Ха-ха-ха! ревѣлъ баринъ.

— Папа! папа! пищали барышни.

— Бѣлиться вздумали!.. Румяниться вздумали! задыхаясь отъ смѣха, кричалъ баринъ.

— Не вѣрьте, не вѣрьте папѣ, Павелъ Ивановичъ, не вѣрьте! визжали несчастныя барышни!

— Я и не вѣрю!

— Нѣтъ?.. Ха-ха-ха! Не хотѣли бѣлиться, не хотѣли румяниться; такъ вы скажите Павлу Ивановичу: за какимъ дѣ-

ломъ вамъ понадобились и бѣлила и румяна! Ха-ха-ха! за какимъ дѣломъ? На что?

— Вѣдь вы знаете, папа!

— Ничего не знаю, рѣшительно отвѣчалъ папа, чтобы подзадорить дочекъ.

— Я вамъ скажу, Павелъ Ивановичъ, для чего, заговорила потупившись одна барышня.

— Ха-ха-ха! А ну, говори!

— У насъ есть кормилица...

— Кормилица!.. Ха-ха-ха!

— Которую мы всѣ любимъ, лепетала барышня.

— Ври, ври! бормоталъ баринъ.

— Видите, Павелъ Ивановичъ, у насъ есть кормилица, которую мы очень, очень любимъ, заговорила одна барышня, — а теперь...

— Что теперь? забормоталъ опять баринъ, захохотавъ во всю мочь.

— Теперь...

— Что теперь?

— Увидѣли у васъ бѣлила и румяна...

— Ну?

— Вотъ и хотѣли ихъ купить для своей кормилицы, которую мы очень любимъ, проговорила, зардѣвшись одна барышня.
— Это совершенная правда.

Я, какъ вѣжливый кавалеръ, совершенно съ этимъ согласился; не согласиться было съ этимъ совершенно невозможно: такъ убѣдительно она говорила.

— Повѣрьте, это для кормилицы, для кормилицы, Павелъ Ивановичъ!

— Да тутъ нѣтъ ничего необыкновеннаго, отвѣчалъ я.

— Ничего необыкновеннаго! подтвердили почти въ одинъ голосъ всѣ барышни.

— Врите! крикнулъ папа.

— Какой вы, папа, право!

— Толкуй!..

— Право, папа...

— Пойдемте, Павелъ Ивановичъ, выпьемъ водочки, да вмѣстѣ пообѣдаемъ, провозгласилъ баринъ, а то что съ дѣвками даромъ толковать!

— Пойдемте, пойдемте! отвѣчалъ я, что-

бы какъ нибудь прекратить эту, довольно оригинальную и тяжелую для всѣхъ сцену,
— Пойдемте!

Мы пошли обѣдать. Пообѣдали. Послѣ обѣда меня не пустили, оставили ночевать, на другой день обѣдать, и только послѣ обѣда я могъ пуститься опять въ дорогу.

На прощаньи я предложилъ барышнямъ для ихъ «кормилицы, которую они такъ любятъ» по банкѣ бѣлилъ и румянъ.

— Сколько мы вамъ должны, Павелъ Ивановичъ? спросили меня барышни.

— Ничего вы мнѣ не должны, отвѣчалъ я, передавая свой товаръ.

— Какъ?!

— Да такъ, — ничего.

— Вѣдь эти банки вамъ что нибудь да стоятъ, опять заговорили барышни. — Что они вамъ стоятъ?

— Двадцать копѣекъ.

— Такъ, стало быть, мы вамъ должны все таки десять копѣекъ? конфузясь отвѣчали барышни.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ ихъ не получать.

Барышни еще больше сконфузились.

Я простился и ушелъ.

III.

Мнѣ право жаль, что я не умѣю составить картину, имѣя подъ руками все: и содержаніе, и краски; и что у меня одного только не достаетъ: какъ сгруппировать въ одну картину все, что было у меня подъ рукой. Поэтому я буду продолжать свою небывальщину, такъ какъ началъ.

Дѣло было на святой недѣлѣ во владимірской губерніи; а въ этой губерніи, въ это время, часто бываетъ середина, или лучше сказать, начало весны: вездѣ въ поляхъ снѣгъ таетъ; прогалинки показываются, а въ вершинахъ (по орловски) или въ оврагахъ зажоры *) становятся.

*) Зажорами называется жидкій снѣгъ; вешняя вода въ оврагахъ разжижаетъ снѣгъ.

Я уже говорилъ, что я въ то время съ *коробкомъ* торговалъ; остановишься, бывало, въ какой нибудь въ деревнѣ, а уже изъ этой деревни свои походы дѣлаешь.

Вотъ пошолъ я въ походъ со своей *стоянки*, обходилъ нѣсколько деревень, и поздно вечеромъ пошолъ на главную свою квартиру, только тутъ бѣда со мной случилась: надо было свернуть изъ деревни на право, а я пошелъ все прямо; шолъ, шолъ, а все деревни нѣтъ, а въ полѣ зги божіей не видать!.. прошолъ я верстъ 5, 6... должно быть, и около десятка верстъ набралось, я все иду впередъ... Вышелъ я на торную дорогу и обрадовался: должно быть, жилье близко... Только радость моя была не долгая: не успѣлъ я спуститься подъ горочку, ступить шагу, какъ очутился выше пояса въ зажорѣ!.. Это меня озадачило!... Вернуться назадъ, выскочить изъ зазора: опять придется идти столько же, да еще хорошо ежели столько же, а то пожалуй и въ ту деревню, изъ кото-

рой вышелъ, не попадешь... И немного думавши, я пошолъ впередъ... Зажоръ все глубже, все глубже... прошолъ я за-жоромъ сажень пять, выбрался на твердую дорогу. День то былъ теплый, а къ ночи заморозило. Выскочилъ я изъ зазора, на мнѣ все платье заледенѣло... Выбравшись на твердую дорогу, сталъ я подниматься на гору... Вдругъ слышу лай собакъ... Э! думаю, деревня близко!... Прохожу еще нѣсколько шаговъ — кабакъ! Я къ кабаку.

— Эй, хозяинъ, отопри! крикнулъ я, постучавши кулакомъ въ окно кабака.

— Кто тамъ? спросилъ меня цѣловальникъ изъ кабака, впрочемъ не показывая на дѣлѣ, что онъ желаетъ всякому отворить кабакъ и отпустить водки: закономъ запрещено водкой ночью торговать: въ бѣду попадешь.

— Отопри, пожалуста!

— Да ты кто такой?

— Прохожій.

— Что жъ тебѣ надо?

— Бѣда случилась.

— Какая бѣда?

— Въ зажорѣ чуть не утонулъ.

— Въ зажорѣ?

— Ну да, въ зажорѣ.

— Это подъ горой?

— Ну да, подъ горой, отвѣчалъ я, едва переводя духъ отъ холода.

— Экой ты братецъ!...

Съ послѣднимъ словомъ цѣловальникъ, не обуваясь, вскочилъ и проворно отворилъ мнѣ двери въ кабакъ.

— Иди сюда!.. Здѣсь темно, такъ ты по голосу иди!.. Иди за мной... говорилъ цѣловальникъ: — Сюда, за мной! Я сейчасъ огонь выкрешу... вздую огонь... Должно замѣтить что это было около двадцати лѣтъ назадъ, а тогда фосфорныя спички еще не входили во всеобщее употребленіе.

— Иди сюда!

Мы вошли въ кабакъ.

— Сейчасъ огня достанемъ... Сейчасъ огня достанемъ, заговорилъ ободрительно цѣловальникъ, и началъ добывать огня.

Въ минуту, мой, Богомъ посланный на ту пору, хозяинъ и свѣчку зажегъ.

— Однако дѣло дрянъ! сказалъ мой хозяинъ: — Право, парень, дѣло, какъ есть дрянъ!..

— Да какъ видишь, отвѣчалъ я: просто весь смерзъ; боюсь, не простудиться...

— Какъ же тебя угораздило такъ?

— Дорогой ошибся...

— А ты откуда шолъ?

Я сказалъ.

— А знаю!...

— Дай, пожалуйста, конфекъ на пять водки, попросилъ я хозяина, который уже вертѣлся около полокъ, установленныхъ шкаликами, косушками, штофами, полуштофами...

— Какъ не дать!.. теперь водка первое дѣло!.. Выпьешь — согрѣешься: не выпьешь — согрѣнья ни отъ чего не получишь. потому не отъ чего...

— Потому то и хочу выпить...

— На, пей! сказалъ цѣловальникъ, откупоривъ косушку и наливая въ стаканъ водку.

Я, зная кабацкіе обычаи: надо сперва заплатить деньги за водку, а ужь послѣ пить, сталъ доставать деньги.

— Да пей, парень! послѣ заплатишь!

— Все равно: сѣйчасъ отдамъ.

— Пей, тебѣ говорятъ! грозно уже крикнулъ на меня цѣловальникъ.

Я выпилъ, вынулъ пять копѣекъ серебромъ, разумѣется, мѣдными деньгами, и отдалъ цѣловальнику; только водка на меня не произвела рѣшительно никакого дѣйствія: такъ я перезябъ.

— Выпей еще стаканчикъ, обратился ко мнѣ цѣловальникъ, видя, что первый стаканъ не оказывалъ должнаго дѣйствія.

— Больше пить не могу!

— Денегъ, что ли, нѣтъ? Таинственно, вполголоса спросилъ меня цѣловальникъ.

— Нѣтъ, не то...

— Я тебѣ, парень, отъ себя поднесу, еще таинственный проговорилъ цѣловальникъ.

— Деньги у меня есть...

— Это все едино, а ты выпей еще стаканчикъ.

— Да ей Богу не могу!..

— Эхъ ты, озорная голова!.. крикнулъ на меня цѣловальникъ: говорятъ тебѣ: пей! такъ, стало быть надо пить!.. Не стану я сдуру всякаго поить водкой!.. А тебѣ подношу: надо христіанскую душу отъ смерти спасти!.. Пойми ты...

— Ну давай!..

Цѣловальникъ налилъ еще стаканъ, я выпилъ, и вынулъ изъ кармана еще пять копѣекъ и подалъ хозяину.

— Не надо, парень!.. объявилъ тотъ, не принимая отъ меня денегъ. — Право не надо!..

— У меня же есть деньги...

— Ну и слава Богу! держи про себя, настаивалъ цѣловальникъ: — держи, парень, про себя... Деньги, всегда, парень, нужны...

— Спасибо тебѣ, хозяинъ, на добромъ словѣ, сказалъ я, а деньги ты все таки, какъ хочешь, а возьми.

— Да тебѣ жь говорятъ...

— Какъ хочешь, а, пожалуйста, возьми, и съ этими словами положилъ деньги — пять копѣекъ — на стойку.

Хозяинъ съ видимымъ неудовольствіемъ взялъ со стойки деньги и положилъ въ ящикъ.

— А ты вотъ что, хозяинъ, началъ говорить я: ежели хочешь для меня добро сдѣлать, пусти меня переночевать у тебя: дорогъ я не знаю, я не здѣшній...

— Ну, нѣтъ, паренекъ, этого сдѣлать нельзя!..

— Отъ чего же?

— Заѣдетъ какой повѣренный!..

— Что жь за бѣда?

— Какъ что за бѣда?!.. Да тутъ такая бѣда — совсѣмъ пропадешь...

— Отъ чего жь пропадешь-то?

— Какъ отъ чего? у насъ строго наказано: въ кабакъ ни подъ какимъ тебѣ образомъ не пускать ночевать; а коли ты пустилъ кого ночевать къ себѣ въ кабакъ,

то за это съ тебя большой штрафъ и изъ кабака вонъ... Вотъ что!.. А то для чего не пустить?!..

— Ну, стало быть, дѣлать нечего, прощай!.. спасибо за угощенье!.. сказалъ я, собираясь уходить.

— Да куда ты? стой!

Я остановился.

— Вотъ что я тебѣ скажу, паренекъ — заговорилъ цѣловальникъ: — тутъ сейчасъ деревня; такъ ты ступай въ деревню... до деревни какихъ нибудь сажень двадцать будетъ.

— Да въ эту пору въ деревнѣ то, пожалуй, ночевать и не пустятъ, отвѣчалъ я.

— Оно точно: пожалуй и не пустятъ, медленно проговорилъ цѣловальникъ.

— Вотъ видишь ты...

— Однако мы это дѣло поправимъ.

— Какъ же?

— Иванъ! крикнулъ цѣловальникъ.

За перегородкой что-то зашумѣло.

— Иванъ мой батракъ, прибавилъ цѣ-

ловальникъ, обращаясь ко мнѣ: — онъ тебя проводить: ему отопрутъ.

Вышелъ изъ-за перегородки Иванъ.

— Вотъ, братъ Иванъ, проводи паренька, хоть къ Семену во дворъ, приказывалъ Ивану хозяинъ, видишь, какъ убрался!..

— Гдѣ ты такъ отдѣлался? спросилъ меня Иванъ, позѣвывая и почесывая себѣ спину.

Я и Ивану рассказалъ.

— Ишь ты грѣхъ какой! отвѣтилъ Иванъ. Въ минуту Иванъ одѣлся.

— Прощай хозяинъ, сказалъ я, когда Иванъ былъ уже совсѣмъ готовъ провожать меня. — Спасибо за ласку; вѣкъ твоего добра ко мнѣ, хозяинъ, не забуду!

— Постой, погоди! сказалъ цѣловальникъ.

— Продрогъ уже я очень...

— То-то! выпей еще.

— Нѣтъ, не могу.

— Такъ вотъ что: возьми съ собой шкаликъ — придешь въ избу, можетъ, и захочется выпить, въ избѣ и выпьешь.

— Ну спасибо, хозяинъ, и съ этими словами я полѣзъ въ карманъ за деньгами — заплатить за шкаликъ.

— Говорятъ тебѣ: твоихъ денегъ мнѣ не надобно, крикнулъ на меня цѣловальникъ: — Береги деньги!..

— Да у меня есть...

— Ну и славу Богу! Ступай!...

По рекомендаціи Ивана меня пустили въ Семенову избу. Я, весь мокрый, не переодѣваясь, залѣзъ на теплую печку, заснулъ и по-утру проснулся и сухой, и совершенно здоровый.

Этотъ случай не исключительный; стой этотъ фактъ отдѣльно — онъ бы не имѣлъ никакого значенія, и я выбралъ именно этотъ со мной случай, единственно потому, что здѣсь замѣшанъ цѣловальникъ; а цѣловальникъ и по мнѣнію народному, и всѣхъ людей жившихъ, или хоть часто проѣзжающихъ людей, — человекъ отпѣтый, которому не дорога христіанская душа, который только и бьется изъ-за того,

какъ бы по больше денегъ набрать, какъ бы съ міру христіанскаго послѣднюю рубаху снять, а тамъ хоть всѣ пропадай...

Не буду указывать на множество подобныхъ фактовъ, а укажу только еще на одинъ, по моему мнѣнію тоже очень замѣчательный.

Ходилъ я въ Переяславскомъ (Залѣсскомъ) уѣздѣ; подвигался отъ Троицы и къ Ростову, и потомъ опять назадъ, вправо и влево, а въ Переяславлѣ мнѣ все какъ-то не удавалось побывать. Я былъ почти у самаго Ростова, и хоть путь мой лежалъ въ Ярославль, но все таки вернулся въ Переяславль: въ переяславской почтовой конторѣ я ждалъ получки, т. е. полученія писемъ, посылокъ, денегъ, которыя я просилъ своихъ знакомыхъ посылать ко мнѣ въ Переяславль. Кончивши свои дѣла на почтѣ, я отправился въ трактиръ обѣдать. Кто странствовалъ по Россіи, не только по проселочнымъ дорогамъ, а хоть и по самому битому тракту, тотъ знаетъ, какъ

трудно человѣку въ обильной Россіи быть сыту. Кто же не странствовалъ, въ качествѣ странника, по великой и обильной Россіи, тотъ рѣшительно не можетъ себя представить, чѣмъ насыщается православный людъ. Вѣроятно изъ моихъ читателей на половину не знаютъ, что такое — пустые щи, поэтому я и берусь объяснить, какъ готовится это не мудрое кушанье. Должно взять горшокъ, положить въ него сѣрой капусты (т. е. самаго дурнаго качества, не очищенной отъ верхнихъ, жесткихъ и несочныхъ листьевъ), налить воды; этотъ горшокъ съ капустой и водой поставить на огонь или на вольный духъ и кипятить до тѣхъ поръ, пока вамъ не надоѣстъ. Когда вамъ наскучитъ смотрѣть, какъ кипятъ ваши щи — эти щи готовы; вы должны вылить эти щи въ большую чашку, поставить на столъ, положить ложки и пригласить общество обѣдать; ежели вы достаточно богаты, когда всѣ усядутся за столъ, торжественно солите эти пустые щи;

ежели же вамъ достатокъ не позволяетъ такой роскоши, то вы каждому члену общества даете по маленькой щепоти соли, которую онъ можетъ кушать съ чѣмъ ему угодно; но ежели у васъ есть корова, да къ тому же случится мясоѣдъ, то на всю семью вливаютъ въ эти пустыя щи нѣсколько ложекъ снятаго молока, а иногда и цѣльнаго; къ этому прибавляютъ по куску хлѣба, который за частую имѣетъ способность горѣть пламенемъ, и который, разумѣется, раздается непременно каждому. Хоть около Ростова и лучше крестьянскій столъ, но все таки я обрадовался, войдя, послѣ долгаго поста, въ европейскій трактиръ....

— Что прикажете? спросилъ меня засуетившійся половой, изъ вѣжливости сильно подергивая плечами, а отчасти и ногами, и всѣмъ тѣломъ.

— А что у васъ есть? спросилъ я, сядя за столикъ, который въ ту же минуту былъ покрытъ половымъ бѣлой, но не совсемъ чистой, салфеткой.

— Все что прикажете....

— Что у васъ готово?

— Все что прикажете.

— Какой у васъ супъ?

— Сейчасъ узнаю.

— Узнай, пожалуйста.

Половой побѣжалъ и чрезъ минуту вернулся.

— Супу сегодня не готовили никакова, объявилъ онъ мнѣ.

— Не готовили?

— Не готовили.

— Отъ чего же не готовили?

— А такъ — не требуется.

— Какъ же ты говорилъ, что все у васъ есть; а я спросилъ супу — какова нибудь, — супу-то никакова и не оказалось у васъ.

— Супу точно не оказалось! почти съ удивленіемъ подтвердилъ мой половой.

— Нѣтъ ли котлетъ?

— Сейчасъ узнаю!...

Убѣжалъ опять половой.

— Нѣтъ, такова кушанья у насъ не готовятъ, объявилъ опять мнѣ, возвращаясь, половой.

Что же у васъ есть?

— Все что прикажете, опять забормоталъ половой: — Все что прикажете: чай есть, водка есть....

— Чѣмъ же закусить?

— Закуска есть всякая....

— Да какая же? спросилъ я, начиная уже терять всякое терпѣніе.

— Какую прикажете... сельди есть... прикажете приготовить? въ одну минуту...

— У васъ сельди!... сжарь пожалуста селедку, сказалъ я, вспомнивъ, что Переяславль славится своими сельдями.

— Какъ сжарить? спросилъ меня, розиня ротъ отъ удивленія половой.

— Прикажи пожалуста сжарить въ сметанѣ.

— Да вѣдь этого нельзя... замаялся половой... этого нельзя... это выйдетъ не вкусно....

— Въ Москвѣ я ѣдалъ переяславскихъ

сельдей, выходило скучно, сказалъ я, не понимая хорошенько причины упорнаго отказа полового мнѣ въ сельди.

— Вы кушали переяславскія, обрадовавшись, заговорилъ половой, а у насъ вѣдь не переяславскія; у насъ, изволите видѣть, сельди московскія... мы прямо изъ Москвы голландскія селедки получаемъ!

— Какъ изъ Москвы?

— Самыя, что ни на есть лучшія!... настоящія голландскія, прямо изъ самой Москвы!

— Ты не готовъ, а принеси сюда показать твои сельди, сказалъ я половому.

— Для чего не показать!

Половой пошелъ въ буфетъ, возвратился черезъ нѣсколько секундъ, неся на тарелкѣ ржавую селедку.

— Эта селедка не здѣшняя?

— Никакъ нѣтъ!... Самая московская!

— Да мнѣ хочется здѣшной, переяславской селедки, все таки настаивалъ я.

— Мы селедки получаемъ изъ самой

Москвы, твердилъ мнѣ половой: — изъ самой Москвы...

— А мнѣ нужно свѣжей переяславской!...

— Такой мы не держимъ.

И тогда я понялъ, что въ Москвѣ надо искать Переяславля, а въ Переяславлѣ Москвы....

— Можно селянку сдѣлать, тайнословно мнѣ проговорилъ половой полушопотомъ.

— Давай хоть селянку!

— Постную?

— Нѣтъ, давай скоромную!

— Извольте.

Принесъ мнѣ этотъ половой селянку, вычурно вертя руками, поставилъ сковороду на столъ. Хлѣбнулъ разъ, другой — плохо... а какъ *голодъ не тетка*, то я всю ее съѣлъ.

Въ переяславскомъ уѣздѣ мнѣ дѣлать было нечего, я нанялъ вольныхъ лошадей до Ростова; тогда еще дорога отъ Москвы до Ярославля не была передана въ одни руки — содержателя вольныхъ почтъ. По дорогамъ, гдѣ существуютъ вольныя почты,

вы не имѣете права, а почти и никакой возможности ѣхать иначе, какъ на почтовыхъ; а потому вы по неволѣ должны брать *вольную почту*, и передвигаться съ мѣста на мѣсто съ скоростію *12 верстъ въ 18 часовъ*; тогда какъ эти 12 верстъ на вольныхъ лошадяхъ можно было проѣхать минутъ въ 40 и за гораздо меньшіе прогоны.

И такъ, я взялъ вольныхъ лошадей и отправился въ Ростовъ. Не успѣли мы отѣхать нѣсколькихъ верстъ, какъ я почувствовалъ, что мнѣ мое лакомство въ переяславскомъ трактирѣ не проходитъ даромъ: сильныя спазмы въ желудкѣ заставили меня вспомнить, что я ѣлъ трактирную, да еще въ трактирѣ уѣзднаго города, селянку.

— Остановись на минуту! сказалъ я своему ямщику, который ѣхалъ такъ-себѣ, и не хорошо и не дурно.

— Что тебѣ? спросилъ ямщикъ.

— Да остановись!

Ямщикъ остановился. Я, охая и кряхтя, вылѣзъ изъ своей телѣги.

— Что съ тобой?

— Ничего, отвѣчалъ я.

— Какъ ничего, какъ-то не совсѣмъ привѣтливо отнесся ко мнѣ ямщикъ: — на тебѣ лица человѣческаго нѣтъ!

— Такъ что-то понездоровилось...

— Понездоровилось?!...

— Ну да!...

— Ахъ, дуй-те горой! съ большимъ уже озлобленіемъ крикнулъ на меня мой ямщикъ.

— За что же ты сердишься?

— Чего не сказалъ, что болѣнь?!...

— Я былъ здоровъ.

— То-то здоровъ!... теперь мнѣ что дѣлать прикажешь?

— Везти на станцію, а тамъ сдашь другому....

— Кто же тебя со станціи повезетъ?

— Отъ чего-же?

— А какъ издохнешь! Кому охота за тебя передъ судомъ въ отвѣтъ идти? кто захочетъ отвѣчать?...

— За что же отвѣчать?...

— Какъ не отвѣчать!... затягаютъ по судамъ?...

— Ну, прїѣдешь на станцію, я останусь на той станціи, сказалъ я, чувствуя всю справедливость доводовъ ямщика.

— На какой станціи?

— На которую прїѣдемъ.

— Да развѣ мы ѣдемъ на казенную станцію? Самъ знаешь: мы ѣдемъ не на казенную, ѣдемъ на свою, гнѣвно поясняя мнѣ ямщикъ: — А онъ говоритъ — на станцію!...

— Это все равно: какая бы ни была станція, на какую станцію прїѣдемъ, я тамъ и остановлюсь.

— Такъ тебя и пустятъ!...

— Отъ чего же?

— А издохнешь! крикнулъ на меня ямщикъ: — Мнѣ не охота за тебя отвѣчать, а другой пойдетъ подъ судъ!... уже не такъ грозно, какъ насмѣшливо наставлялъ меня ямщикъ.

— Что же дѣлать? спросилъ я ямщика.

— Что дѣлать!... сказалъ ямщикъ и замолчалъ, сердито поглядывая на меня.

— Вотъ что я придумалъ, сказалъ я ямщику, немного помолчавъ: — я вотъ что вздумалъ....

— Что вздумалъ?

— Тебѣ отвѣчать за меня не слѣдъ, продолжалъ я, — другому то же; такъ оставь меня здѣсь, а самъ ступай домой: я какъ нибудь перебыюсь до завтра, а завтра, ежели не полегчаетъ, какъ нибудь доплетусь назадъ до Переяславля....

— Долго думалъ, хорошо и выдумалъ!!... съ пренебреженіемъ сказалъ ямщикъ.

— Почему же не дѣло?

— Дѣло!... какъ есть дѣло!

— Да вѣдь ты получилъ за станцію прогоны; мнѣ они не нужны, я ихъ не возьму назадъ: оставляю у тебя.

— Дѣло!... Садись!...

— Все равно, я здѣсь останусь! сказалъ я, не влѣзая въ свою телѣгу.

— Что ты толкуешь!... Гдѣ видано, чтобы

христіанскую душу, при смерти, да еще глядя на ночь, покинуть въ чистомъ полѣ?!...

— При помощи ямщика я влѣзъ въ телѣгу, мой ямщикъ тронулъ лошадей, и мы буквально понеслись: вѣроятно, не всякому курьеру удавалось такъ быстро ѣздить!...

— Эхъ вы, миленькія!... крикнетъ ямщикъ и махнетъ на лошадей кнутомъ, — и лошади еще быстрѣй помчатся.

— Издохнешь!... Какъ есть, издохнешь, скажетъ онъ, глядя на меня, и опять: — Эхъ вы, миленькія!...

Мы мчались, не разбирая ни рвовъ, ни овраговъ, толчки были страшные, и эта ѣзда была въ то время для меня не совсемъ пріятна: при каждомъ толчкѣ я чувствовалъ страшныя боли; но остановить ямщика я не хотѣлъ: ему, видно, хотѣлось меня сбить съ рукъ — боялся суда; а оставить на дорогѣ — тоже нельзя: христіанская душа въ чистомъ полѣ ночью погибнетъ.

— Издохнешь! какъ есть издохнешь, ска-

жетъ онъ, оглядываясь на меня, когда уже я сильно начну стонать.

— Да мнѣ теперь лучше...

— Видно!!....

— Мнѣ же лучше знать...

— Лучше!... А посмотри-ко на себя!...

И опять: — «эхъ вы, миленькія!» опять мы мчались, что было силы у лошадей...

— Что я тебѣ скажу, хозяинъ! ласково заговорилъ ямщикъ, не много пріостанавливая свою тройку. — Послушай меня, пожалуста, хозяинъ.

— Изволь говорить; буду слушать.

— Можешь ты на самое малое времячко, хозяинъ, можешь ты помолчать, да не охать?

— Я не понимаю, о чемъ ты говоришь? отвѣчалъ я ямщику и въ тоже время охнулъ.

— Здѣсь охай, хозяинъ, здѣсь ничего...

— Гдѣ же не охать?

— А тамъ на селѣ... на самой той станціи-то, хозяинъ, не охать... вотъ что, хозяинъ...

— Почему же тамъ не охать?

— Не охай, пожалуста, хозяинъ, на станціи то!... Въдь всякъ, хоша и имѣть въ себѣ христіанскую душу, а и то сказать, всякъ суда боится, всякъ самъ себя бережетъ! Будешь охатъ, — кто тебя повезетъ? Повезти не повезутъ, ночевать тоже хвораго человѣка не пустятъ; что мнѣ тогда съ тобой будетъ дѣлать?!...

— Постараюсь, братецъ, не охатъ....

— Чѣмъ стараться, ты просто не охай!...

— Ежели смогу....

— Смоги немножко! упрашивалъ меня совсѣмъ жалобнымъ голосомъ ямщикъ: — сдамъ тебя единою минутою!

— Ну, хорошо!

— Смотри жь: не охатъ!... Теперь охай сколько хочешь, а пріѣдешь на станцію, ни-ни!...

— Хорошо, хорошо.

— Теперь, хозяинъ, сиди! Ямщикъ подобралъ возжи, махнулъ кнутомъ, крикнулъ: эхъ вы, миленькія... и мы, промчавшись версты двѣ во весь духъ, остановились у по-

стоялаго двора, гдѣ мой ямщикъ хотѣлъ сдать меня другому.

Кто ѣзжалъ на вольныхъ, тотъ знаетъ, какъ идетъ перепряжка лошадей: пока выпрягутъ старыхъ лошадей, пока сторгуется старый ямщикъ съ новымъ, пока запрягутъ новыхъ лошадей, проходитъ иногда болѣе часу. На этотъ же разъ не выпрягли лошадей изъ моей телѣги, какъ изъ воротъ постоялаго двора выѣхала свѣжая тройка. Мой ямщикъ торопилъ всѣхъ; только и было слышно, какъ онъ увѣрялъ дворника и ямщика:

— Да я же тебѣ говорю: хозяинъ хороший, не обидитъ!.. Я же тебѣ говорю....

— Гдѣ вещи, хозяинъ? спросилъ меня, подѣхавшій ко мнѣ, новый ямщикъ.

— Какія тебѣ вещи?!.. вступился за меня старый ямщикъ: — говорятъ тебѣ: вещей никакихъ нѣтъ — одинъ вотъ тебѣ мѣшочикъ — вотъ тебѣ и все...

— Семь рублей? спросилъ новый ямщикъ стараго, укладывая *мои вещи* — мѣшочикъ,

и оправляя въ телегѣ, чтобы мнѣ было лучше сидѣть.

— Семь, отвѣтилъ старый ямщикъ, подсаживая меня въ телѣгу. — Семь рублей въ Ростовѣ получишь съ хозяина; хозяинъ добрый, не обидитъ!... Я жъ тебѣ говорю.

— Какъ семь рублей? спросилъ я, садясь въ телѣгу: — развѣ ты не знаешь сколько?...

— Да какъ же, хозяинъ?!.. заговорилъ, оторопѣвъ, старый ямщикъ: вѣдь такъ договоръ былъ....

— Я по договору тебѣ всѣ деньги отдалъ, отвѣчалъ я: — за мной теперь всего осталось только два рубля.

— Какъ два?

— Только два рубля и осталось, настаивалъ я, думая, что мой ямщикъ хочет меня обмануть.

— Когда жъ ты мнѣ отдавалъ деньги? спросилъ меня, озлобившись, ямщикъ; да и нельзя было не озлобиться: будь я здоровый человѣкъ, онъ бы нашелъ на меня расправу,

а больного, да и еще при смерти больного, на какой ему судъ вести?

— Когда ты мнѣ деньги платилъ?

— Въ Переяславлѣ тебѣ при выѣздѣ, а прежде когда нанималъ тебя ѣхать въ Ростовъ, отвѣчалъ я.

— Сколько же ты далъ въ Переяславлѣ?

— Всего далъ три цѣлковыхъ.

— А за тобой теперь сколько?

— Два.

— Чего два?

— Два цѣлковыхъ.

— Такъ объ чемъ же ты толкуешь? обрадовавшись спросилъ ямщикъ: — Я то что же говорю семь рублей, — два цѣлковыхъ развѣ не все едино?... Экой голова!...

Тогда я только понялъ, что я считалъ на серебро, по новому, а мой ямщикъ на ассигнаціи, по старому.

— Старому ямщику на водочку, скинувши шапку и склоняя голову не то впередъ, не то на бокъ, сталъ просить старый ямщикъ.

Я сталъ доставать изъ кармана деньги, какъ-то неловко повернулся, колѣнки опять начались, я сильно охнулъ.

— Не надо, хозяинъ! Не надо!... заговорилъ ямщикъ, испугавшись, что своими стопами дамъ знать, что я болѣнъ, а когда узнаютъ объ этой проклятой болѣзни, — никто и не повезетъ меня, и я останусь у него на рукахъ.

— Трогай, братъ! крикнулъ онъ новому ямщику: — я хозяиномъ и такъ много доволенъ!... Останешься, братъ, доволенъ и ты: будешь, братъ, и меня, и хозяина послѣ благодарить!... съ Богомъ!....

Мы тронулись и тронулись во весь духъ... Предоставляю читателю размыслить: что со мной тогда было....

— Нельзя ли, братъ, потише, сказалъ я ямщику, когда мы отъѣхали отъ станціи уже верстъ около пяти.

— А что? спросилъ, оборачиваясь ко мнѣ, ямщикъ: — Развѣ съ телѣги ты, хозяинъ, слѣзть хочешь?

— Нѣтъ, слѣзать не слѣзу, а ты все таки пожалуста поѣзжай, братъ, потише!

Съ версту мы проѣхали шагомъ, и я сталъ было хотъ немного отдыхать, и почти уже сталъ забываться....

— Эхъ вы, миленькія!... гаркнулъ на тройку ямщикъ, и мы опять понеслись; я очнулся и застоналъ....

— Тише!... пожалуста тише!...

— Да что съ тобой?...

— Животъ, братъ, болитъ...

— И больно болитъ?...

— Просто мочи моей нѣту!..

— Ахъ ты, голова жъ моя горькая!... крикнулъ ямщикъ: — Ну что я съ тобой, хозяинъ, буду дѣлать?...

— Вези въ Ростовъ.

— А какъ живой не доѣдешь?

— Доѣду, ничего!..

И мой ямщикъ погналъ лошадей во весь духъ и, не слушая моихъ просьбъ, скакалъ всю дорогу.

— А куда, хозяинъ, везть? спросилъ меня

ямщикъ, когда мы были уже близко Ростова.

— Вези на постоянный дворъ!

— Знакомыхъ развѣ у тебя нѣтъ въ Ростовѣ?

— Нѣту.

— Ахъ ты голова моя горькая!...

Ямщикъ задумался и поѣхалъ шагомъ.

— Слушай, хозяинъ, что я тебѣ скажу, сталъ упрашивать меня ямщикъ заискивающимъ голосомъ: — Не ѣзди на постоянный дворъ.

— Гдѣ же я остановлюсь?

— Гдѣ хочешь!...

— Я и хочу на постояломъ дворѣ.

— На постояломъ не пустять!...

— Отъ чего?

— Кому мило, другъ любезный, къ себѣ въ домъ мертвое тѣло принять?!.

— Я еще пока не мертвый....

— А издохнешь?... съ сердцемъ закричалъ на меня ямщикъ, — издохнешь: будешь тогда мертвое тѣло?

— Ну, тогда....

— То-то тогда!...

— Что жь мнѣ дѣлать?.

Ямщикъ задумался.

— А вотъ что, хозяинъ любезный, ласково уже сказалъ ямщикъ: — Я съ тебя, хозяинъ, и денегъ твоихъ за прогоны не возьму, только ты у заставы слѣзь, да попросись у будочника въ будку отдохнуть...

— Нѣтъ, слѣзть-то я слѣзу, а деньги, которыя тебѣ за дорогу слѣдуютъ, я все таки тебѣ отдамъ.

Мы подѣхали къ шлагбауму, неизвѣстно для чего тогда стоявшему. Я вылѣзъ изъ телѣги и рассчитался съ ямщикомъ.

— Правду сказалъ, хозяинъ, твой старый ямщикъ: буду доволенъ и твоей милостью, и этимъ мошенникомъ — твоимъ то старымъ ямщикомъ!....

— Какую же правду?

— Я было за дорогу-то эту чуть самъ не издохъ!... Вотъ какую сказалъ онъ правду!... Самъ чуть не издохъ!...

— Это отчего?

— Отъ страху!... Ну, думаю, какъ до дому живаго сѣдока не довезу: — пропала тогда моя бѣдная головушка!...

— Ну, извини, пожалуста....

— Ничего!... Прощай хозяинъ!... Выздоравливай!.. Охъ вы!.. крикнулъ онъ на лошадей и въ минуту скрылся изъ глазъ.

Я вошелъ въ будку. Было часа четыре утра, а потому часовой еще спалъ. Стражъ сего города Ростова, да и всякаго града стражъ, хорошо знали, что шлагбаума украсть не было никакой возможности; почему же этимъ стражамъ въ ночное время, снявши съ себя воинскіе доспѣхи, не отдаться Морфею? Ростовскій стражъ былъ въ объятіяхъ Морфея когда я вошелъ въ будку.

— Кавалеръ, а кавалеръ! сталъ я будить стража, слегка толкая его подъ бока: — кавалеръ!...

Кавалеръ промычалъ.

— Да проснись же, кавалеръ!...

Кавалеръ наконецъ открылъ глаза.

— Пусти, пожалуйста, меня, кавалеръ, въ будку: немного отдохнуть.

— Что тебѣ надобно? спросилъ меня кавалеръ, позѣвывая и лѣниво почесывая спину.

— Животъ разболѣлся — позволь немножко у тебя, кавалеръ, хоть немножко въ твоей будкѣ полежать....

— Вотъ больницу нашелъ!...

— Пожалуйста....

— Пошолъ вонъ!.. Развѣ здѣсь больница!....

— Ну, если не хочешь пустить полежать, отведи меня куда знаешь...

— Нашолъ няньку!...

— У меня билета нѣтъ, я безпаспортный, съ отчаянія рѣшился я сказать стражу: — а безбилетныхъ ты долженъ ловить....

— Ночью?! насмѣшливо спросилъ меня стражъ: — Ночью тебя прикажешь ловить — что ли?

— И ночью надо ловить.

— Дождешься! Ободняетъ хорошенько,

тогда тебя, ежели ужъ тебѣ такъ хочется, тогда и поймають.

Это рѣшеніе меня озадачило: какъ, въ самомъ дѣлѣ, дожидаться, пока хорошенько ободняется, и тогда меня арестуютъ, и то только ежели я самъ этого захочу? Я тогда въ этомъ ничего не понималъ, теперь ничего не понимаю, да, думаю, и читатель ничего не пойметъ; даже могу прибавить, для большаго вразумленія, что это происшествіе истинное, не вымышленное.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ я съ отчаяніемъ стража, такъ хитро понимавшаго свои обязанности.

— А что хочешь!

— Пусти хоть за деньги!

— А сколько дашь?

— Сколько тебѣ надо?

— Давай четвертакъ — пушу!

— Изволь, только, пожалуйста, положи меня куда нибудь, сказалъ я, обрадовавшись: — Пожалуйста поскорѣй.

— Давай деньги!

Я отдалъ ему четвертакъ.

— Пойди же, братъ, я тебѣ соломки постелю, сказалъ часовой, засовывая куда-то четвертакъ.

Онъ постлалъ мнѣ соломки, и я завалился на эту, не очень хитрую постель, а мой хозяинъ, уложивши меня, опять легъ и заснулъ.

Въ этой хороминѣ я пролежалъ почти цѣлый день; хозяинъ-стражъ цѣлый день провозился съ шиломъ надъ какимъ-то сапогомъ; только временемъ добродушно подчивалъ меня то водкой съ перцомъ, то квасомъ съ солью, то обѣдомъ; и въ этомъ мирномъ гражданинѣ не замѣтно было никакихъ воинскихъ, приличествующихъ стражу, качествъ.

— Послушай-ка, братъ, заговорилъ часа въ четыре будочникъ: — ты, я вижу, малый — простота! Теперь скоро придетъ квартальный; увидитъ тебя здѣсь, и тебѣ и мнѣ — морду расквасить.... Возьми назадъ свой четвертакъ и ступай себѣ съ богомъ куда знаешь!.. Коли не будетъ мѣста, гдѣ пере-

ночевать, — приходи въ сумеркахъ опять сюда.

Сознавая всю силу его доводовъ, а къ тому же чувствуя себя гораздо лучше, я согласился съ его мнѣніемъ.

— Прощай, кавалеръ! сказалъ я, выходя изъ будки.

— Прощай, братъ, не поминай лихомъ! отвѣчалъ кавалеръ. — Не пріютишься нигдѣ, милости просимъ опять къ намъ.

Колики мои унялись, и я, походя по Ростову около часа, направилъ свой путь къ Угличу.

Не успѣлъ я отойти отъ города и полуверсты, какъ опять схватили меня колики, и до того сильныя, что я упалъ на землю... Кое-какъ я добрался уже въ сумерки до какой-то деревни, верстахъ въ двухъ-трехъ отъ Ростова.... У крайней избы лежала колода, и я повалился на эту колоду. Около избы играли дѣти, чуть ли не со всей деревни туда собравшіяся.

— Э! э! четвероглазый!... четверогла-

зый! со всѣхъ сторонъ обступивши меня, закричали мальчишки.

Должно замѣтить, что я, собравшись осматривать Ростовъ, надѣлъ очки, да и забылъ ихъ снять при входѣ въ деревню.

— Четвероглазый! четвероглазый!... сыпалось на меня.

— Скажите, братцы, кому постарше, обратился я къ дѣтямъ съ просьбой: — Скажите, что больной пришелъ: не пустить ли кто переночевать меня.

— Четвероглазый!... четвероглазый!...

— Эхъ вы, ребятки! сказала одна дѣвочка лѣтъ 11—12; — эхъ вы, ребятки? Грѣхъ, большой грѣхъ смѣяться надъ больнымъ человѣкомъ!...

Съ этими словами дѣвочка скрылась, а ребятки присмирѣли: перестали кричать и довольно дружелюбно на меня посматривали.

Черезъ нѣсколько минутъ эта дѣвочка привела ко мнѣ свою мать — женщину лѣтъ за тридцать.

— Что, другъ, болѣнъ? спросила меня

женщина, дотронувшись слегка до моего плеча.

— Болѣнъ, матушка.

— Пойдемъ къ намъ въ избѣ, у насъ въ избѣ ты и переночуешь...

— Спасибо, матушка!

— Не за что, пойдемъ!

Мать съ дочерью помогли мнѣ встать, отвели къ себѣ въ избѣ, положили на постель и цѣлую ночь, — то ставили мнѣ горшки на животъ, то прикладывали къ животу горячую золу.

— Слушай, другъ, сказала мнѣ хозяйка, когда уже взошло солнце: — Ступай отъ насъ куда знаешь!

— Это же отъ чего? спросилъ я, никакъ не ожидая отъ этой радушной женщины такого предложенія.

— Да такъ, ступай!...

— Отъ чего же?

— Избави Господи—умрешь у насъ, придетъ мой хозяинъ домой, какъ собаку меня изобьетъ!...

Дѣлать было нечего, — я отправился въ путь, и на этотъ разъ не останавливаясь; горшки, зола ли помогли, только я выздоровѣлъ.

IV.

Шелъ я путемъ-дорогою, стороною незнакомою; попался я на свадьбу — на дѣвичникъ. Свадьба была не ахти мнѣ: мужикъ-хозяинъ былъ небогатый, а я, относительно, былъ богатъ: самъ собою, безъ всякой просьбы, купилъ полведра водки и за каждую пѣсню, которою величали меня дѣвки, платилъ по пятаку. Тогда деньги ходили на ассигнаціи. А потому меня считали за большаго гостя.

Помню, какъ теперь, дѣвки величали меня такъ:

А и кто у насъ
Большой набольшій?
Большой-набольшій
Воеводою?
Воеводою

Да и Павлушка,
Большой-набольшій
Да Ивановичъ.
Пріѣзжаетъ онъ
Въ свою вотчину;
Онъ и въ вотчину
И во дѣдину.
Онъ и судъ даетъ
Все по правдѣ-то:
Онъ и съ праваго
Беретъ сто рублей,
Съ виноватаго
Беретъ тысячу,
А съ доносчика —
Что и смѣты нѣтъ!

Когда дѣвушки нашли у меня такіе *до-
суги* и послѣ меня спросили на голосъ:

Слышалъ ли, Павелъ сударь,
Слышалъ ли Ивановичъ?
Про тебя мы пѣсню пѣли,
Про твое ли про досужество.

Этотъ вопросъ, разумѣется, сопровож-
дался поднесеніемъ тарелки, на которую я
положилъ, опять таки пятакъ.

— А ужъ мы тебя, Павелъ Ивановичъ, теперь величать не станемъ, шепнула мнѣ одна дѣвушка.

— Отчего такъ?

— Нельзя, другіе гости обидятся; тебя и такъ больше всѣхъ величали.

— Да Христосъ съ вами! Величайте кого хотите! Лишь бы весело всѣмъ было.

— Нѣтъ, мы гостей не станемъ величать теперь; надо жениха съ невѣстою.

И запѣли, какъ матушка родная уговаривала свою доченьку посадить мила дружка на кроватушку.

Разговоры разговаривать,
Про его родню спрашивать.

Добрый молодецъ, по пѣснѣ тряхнувъ кудрями, такъ отвѣчалъ:

У меня семья веселая,
У меня родня богатая:
По губернямъ — губернаторы,
По уѣздамъ — все исправнички,
А по селамъ — славны годовы.

Пропѣли, тогда стали отецъ — мать благословлять жениха — невѣсту иконой.

Пало перо,
Перо легкое!
То не перо,
То не легкое:
Палъ Иванъ,
Палъ Ивановичъ
Передъ образомъ,
Богородицей
Всепречистою;
Передъ батюшкой
Да родименькимъ,
Передъ матушкой,
Да родимой-то!..
А и всѣмъ имъ —
Слава — поровну!

Стало быть конецъ и дѣвичнику.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Долго ли, коротко-ли, а дѣвичникъ справили и надо искать ночлега. Мои собесѣдники, кто полупьянъ, а кто и совсѣмъ пьянъ. Какъ тамъ ни разговаривай, а оставаться нельзя, надо было или

цаловаться, или драться; я же въ то время не имѣлъ охоты ни къ тому, ни къ другому, и потому счелъ за лучшее уйти.

Опять пошелъ я стороною незнакомою. А ночь, хоть деньги считай! Вышелъ я изъ избы и пошелъ въ городъ. Только что я вышелъ на дорогу — мнѣ большой обозъ порожнякомъ по пути.

— Путь во богъ! крикнули изъ обоза мнѣ.

— Путь во христъ! отвѣтилъ я, снявши шапку и поклонившись міру.

— Куда богъ несетъ?

— Въ городъ.

— Въ городъ?

— Да, въ городъ.

— Садись, мало подвеземъ! заговорили мужики. — Садись, садись! Мало подвеземъ!

Я сѣлъ.

— Отколь, человѣкъ? спросилъ меня мужикъ, съ которымъ я сѣлъ на сани.

— Изъ подъ Москвы.

— А! Изъ подъ Москвы?

— Изъ подъ Москвы?

— Ну, да, изъ подъ Москвы.

— Гм... гм...

— А вы откуда?

— А мы изъ Жигаловки! отвѣтилъ тотъ съ достоинствомъ.

— Гдѣ эта Жигаловка?

Мужикъ посмотрѣлъ на меня: не то съ презрѣніемъ, не то съ недоумѣніемъ.

— Гдѣ Жигаловка?

— Да, гдѣ Жигаловка?

— Жигаловка?

— Да, Жигаловка?

— Да развѣ въ Москвѣ не знаютъ про Сергѣя Жигаловскаго?

— Можетъ и знаютъ, только я не слышалъ.

— А вотъ какой у насъ Серега. Дай ему цѣлковый: поди за водкой! — «Я водки не хочу!.. А водку любить: — во! Душа! — Да пожалуста, душа! «Слѣзетъ съ печки... — Ну, дай, пошлю!» — Выйдетъ на крылечко, посмотритъ: есть кто,

пошлетъ, а нѣтъ — самъ ни за какія тысячи не поидетъ.

— Ужь будто и совсѣмъ не поидетъ? спросилъ я, будто не довѣряя его словамъ.

— Да ты знаешь, какъ онъ живётъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А вотъ какъ. Живетъ онъ въ лѣсу; дрова, значитъ, рукой подать. Палкой швырнуть — докинешь. Холодно въ избѣ, дѣться некуда. Онъ поидетъ, дровъ нарубить, печку стопить. Станетъ въ избѣ холодно, онъ на печку влѣзетъ; на печкѣ холодно, онъ въ самую печку проползетъ. Вотъ какой! Станетъ холодно въ печкѣ, онъ опять дровъ охапку нарубить. Вотъ какой!.. А въ Москвѣ будто не знаютъ Жигаловскаго Серегу!..

— Должно быть знаютъ, недовѣрчиво отвѣчалъ я. — Только я не знаю.

— Вѣрное слово говорю: знаютъ.

Мы немножко помолчали.

— А вы куда ѣдете? спросилъ я моего спутника по дорогѣ.

— А мы въ лѣсъ ѣдемъ, любящій *) человекъ, въ казенный лѣсъ.

— Зачѣмъ?

— А дровецъ нарубить.

— Лѣсъ то казенный?!

— Казенный, другъ любящій!

— Братцы, дѣло плохо?

— А чѣмъ плохо?

— Лѣсъ то казенный, а не твой: По закону будетъ это кража.

— Вона куда заѣхалъ!

— Да какъ же?

— Ворами насъ не обзывай! Мы не воры.

Спроси по околотку: былъ у насъ воръ?

— Да это хоть и такъ...

— А какъ же?

— Вѣдь лѣсъ то казенный! Ну поймаютъ?

*) Эта форма глагола, *любящій*, мнѣ встрѣчалась нѣсколько разъ въ орловской, рязанской, тульской, воронежской губ., частию въ калужской, вообще въ черноземной полосѣ. И мнѣ кажется, что не можетъ быть болѣе комплимента какъ сказать, что ты такой человекъ, который можетъ *любить*.

— А поймають: знамо дѣло! Поймають, хоть въ казенномъ лѣсу, хоть въ барскомъ, подъ отвѣтъ попадешь, — попадешься — судить стануть.

— А когда попадешься?! возразилъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, по-видимому на-дѣявшійся на себя.

— Все въ *руцѣ* божіей! отвѣчалъ разсказчикъ. — Все въ *руцѣ* божіей!

— Я тебѣ, парняга, расскажу дѣло, заговорилъ одинъ торопливый мужиченко: — расскажу дѣло, такъ дѣло! Тридцать лѣтъ воровали лѣсъ, да воровали всѣмъ міромъ: всему міру хорошо было; одинъ изъ міру воровать не хотѣлъ — сколько муки отъ господъ претерпѣлъ — чуть въ Сибирь не угодилъ!

— А какъ такъ?

— А вотъ какъ. Былъ баринъ, а у того барина лѣсу — что и господи мой!.. Тотъ баринъ и объявляетъ: «Кто возьметъ изъ лѣсу хворостинку, тому закачу сто хворостинокъ куда слѣдуетъ; а кто вырубить

бревно, — тому выну изъ бока ребро — «Ну, хорошо!.. Вотъ прїѣзжаетъ къ тому барину одинъ благопріятель». — Такъ и такъ, говоритъ барину тому благопріятель: ты за своимъ лѣсомъ ночей не спишь, а лѣсъ твой твои же мужики какъ косою косятъ!» — А тотъ благопріятель былъ тоже баринъ, сосѣдъ тоже барину, и хотѣлъ онъ тайкомъ попользоваться изъ сосѣдскаго лѣсу, да мужики не допустили: — «Нашъ, говорятъ, лѣсъ!» А сосѣдъ-то говоритъ: — «Не вашъ лѣсъ, а барскій!».. Сколько тамъ ни говорилъ, а мужики сосѣду лѣсу не дали!

Вотъ онъ озлился, да и донесъ тому барину. Баринъ сейчасъ за старосту. — «У тебя лѣсъ воруютъ!» крикнулъ баринъ. Что ужъ было старостѣ: одинъ богъ вѣдаетъ!.. — «У тебя лѣсъ мой воруютъ!» кричалъ баринъ. А староста одно твердилъ: — «Никакъ нѣтъ-съ! Ни одного прутика вывести никто не смѣлъ!» — Поѣдемъ къ лѣсу! кричитъ баринъ. А староста ужъ

знаеть свое дѣло: — Поѣдемте, говорить, сударь! — Вели сѣдлатъ мнѣ лошадь!.. Осѣдлали барину лошадь, поѣхалъ; староста за нимъ. Поѣхали къ лѣсу. Только не доѣзжая до лѣсу съ версту, а то можетъ и меньше, баринъ остановился, смотритъ: лѣсъ стѣной стоитъ. Повернулъ лошадь назадъ. — «Ступай за мной! крикнулъ онъ старостѣ, да во всѣ лопатки домой, а староста за нимъ... Приѣзжаютъ они домой. — «Я тебя, староста, говоритъ баринъ, — истязалъ; вотъ тебѣ награжденіе! и даетъ старостѣ цѣлковый. Приѣзжаетъ къ барину другой сосѣдъ, начнетъ говорить про лѣсъ — тотъ же исходъ. Подумали сосѣди — подумали: изъ доносовъ толку нѣтъ, одна только съ бариномъ остуда — и бросили! Выбудетъ одинъ староста, назначитъ баринъ другаго, и тому наказъ: за лѣсомъ смотри! «за хворостину — сто хворостинъ, за бревно — ребро, а не будешь ты, староста, смотрѣть: тебя на поселеніе, всѣхъ твоихъ дѣтей въ сол-

даты, а дворъ твой весь разворочу! — Смѣ-
 нился одинъ староста, смѣнился другой,
 нашло время быть старостой мужику сте-
 пенному, Василиемъ Петровичемъ звать.
 А Василий Петровичъ былъ мужикъ сте-
 пенный: передъ богомъ не совреть. Ба-
 ринъ ему опять свои рѣчи» — Береги лѣсъ,
 не то домъ твой разорю, тебя въ Сибирь
 пошлю, дѣтей твоихъ въ солдаты отдамъ!
 — Василий сперва на-перво барину въ
 ноги: — Освободи, ваша милость, отъ на-
 чальства!.. Только баринъ и слышать не
 хотѣлъ. — Ты, говоритъ, мнѣ рабъ, а я
 тебѣ баринъ, что захочу, то пзъ тебя и
 сдѣлаю; захочу старостой — старостой и
 будешь! Захочу свинопасомъ — будешь и
 свиней пасти!.. Что подѣлаешь?!. А баринъ
 былъ нравный! — Коли такъ, говоритъ
 новый староста: — такъ извольте, гово-
 ритъ — лѣсъ осмотрѣть, да и сдать мнѣ.
 — Я, говоритъ баринъ, — лѣсъ смотрѣлъ
 не такъ давно. — «А что въ томъ лѣсу
 дѣлается, спрашиваетъ староста, — что

въ томъ лѣсу вы видѣли? — Тамъ въ лѣсу благополучно, говоритъ баринъ. — «Будь благополучно, говоритъ староста, — всею душою взялъ бы беречь ваше барское добро, а слушая вашъ грозный наказъ, долженъ сказать, что лѣсу, почитай, что и нѣту! — Какъ! крикнулъ баринъ. Полетѣлъ къ лѣсу, опять не доѣзжая версты — видитъ лѣсъ стоитъ. Вернулся домой — за новаго старосту: — Цѣлъ лѣсъ? спросилъ баринъ старосту, расправившись съ нимъ. — Почестъ весь вырубленъ! — Опять за расправу. Староста все свое: вырубленъ да вырубленъ! Сколько баринъ ни бился, староста все свое: вырубленъ лѣсъ, почестъ ничего не осталось! Барина зло взяло: — снарядить, говоритъ, подводчиковъ! Снарядили подводчиковъ, посадили старосту, баринъ далъ такую бумагу, чтобъ старосту въ Сибирь послать, и поѣхали въ городъ. Только привозятъ Василя Петровича въ городъ, старосту то этого, къ исправнику, а на счастье Василя, исправ-

никъ его зналъ: дѣла съ нимъ по своему имѣнію дѣлывалъ, чаями Василя Петровича паивалъ. Какъ увидалъ исправникъ Василья-старосту въ кандалахъ, такъ ажно ахнулъ! Ты, говоритъ, какъ ко мнѣ такимъ манеромъ попался? За какую такую вину? — Василій стоитъ, молчитъ. — За какую такую вину? допытывается исправникъ: — Можетъ кто на тебя облыжно донесъ? — «Нѣтъ, говоритъ Василій Петровичъ: — я отъ міра не отказчикъ, на міръ не доносчикъ, такъ и міръ про меня ничего дурнаго не скажетъ. — «Такъ за что же? — Баринъ приказываетъ лѣсъ хранить, соблюдать... — Да вѣдь лѣсу нѣтъ! говоритъ исправникъ, — и ужъ всѣмъ было въ округѣ извѣстно, что лѣсъ изведенъ. — Я такъ докладывалъ его милости. — А онъ? — А онъ... «Ну, того не вернешь, а теперь поѣдемъ къ твоему барину! Посадилъ исправникъ старосту съ собой въ сани, и все въ кандалахъ, привезъ къ помѣщику. — За какую такую вину, спра-

шиваетъ барина исправникъ: чѣмъ провинился передъ вами Василій Петровъ, что вы его посылаете въ Сибирь? — А такъ и такъ, говоритъ баринъ, — я самъ вижу: лѣсъ цѣлъ, а онъ говоритъ, что лѣсъ почестъ весь вырубленъ! — Не напрасно ли наказываете? — Какое напрасно! — А поѣдьте, посмотримте! говоритъ исправникъ — «Поѣдьте! говоритъ баринъ — да возьмите и Ваську! Поѣхали, взяли и Ваську, то есть того Василя Петровича. — Видите лѣсъ? спрашиваетъ баринъ исправника, подѣвжая къ лѣсу. — Ничего не вижу, говоритъ исправникъ. — Какъ? — А такъ: въѣдемъ въ лѣсъ, тамъ посмотримъ! — Въѣхали въ лѣсъ, а лѣсу то и нѣтъ! Только для виду одна опушка оставлена, чтобъ барину лѣсъ былъ видѣнъ, а въ лѣсу не то, чтобъ порубка воровски воровалось, а порубка на хозяйскую ногу пошла: срубы рубили, доски пилили... Ктожь это? спросилъ баринъ исправника. — Да все ваши мужички, говоритъ исправникъ. — Кто

именно? опять спросилъ баринъ ужъ у Василя Петровича. — Да всѣ! — Поѣхали по деревнѣ: у всякаго мужичка въ каждомъ дворѣ на продажу и доски напилены, и срубы порублены...

Тутъ только баринъ опомнился, простилъ Василя Петровича, поцаловалъ въ голову и рубль серебряный далъ, а все таки старостой оставилъ.

— Вотъ видишь, правда свое взяла! сказалъ я, когда рассказчикъ кончилъ.

— Взяла! пробормоталъ одинъ.

— А не болталъ бы — лучше бы было, проговорилъ другой.

— Нечего говорить! подтвердилъ третій: — для обоихъ было бы лучше.

— Какъ для обоихъ?

— А такъ для обоихъ: и для барина было бы хорошо и для Василя; а я еще скажу, что и для третьяго — для барщины.

— Я что-то не пойму...

— А вотъ понимай: у барщины былъ бы лѣсъ; Василя этого бы не мучили, а

барину тотъ лѣсъ былъ не надобенъ, коли онъ потребенъ былъ ему на поглядку: смотри сколько душъ угодно! Всѣмъ было добро!

— Барину то какое же добро: вѣдь его же лѣсъ вырубленъ?

— Лѣсъ божій!

— Ну, а ежели я его купилъ? спросилъ я, желая во чтобы то ни стало переспорить такое удивительное рѣшеніе.

— А... купилъ, дѣло другое; тамъ твоя кровь, ты свои кровныя деньги заплатилъ, ты тамъ карауль поставишь!.. Тамъ прутика не возьмешь!

Пока мы калякали, то поднимаясь пѣшкомъ на гору, то садясь опять на одни изъ саней, прошло болѣе часу: мои попутчики стали сворачивать съ большой дороги на проселокъ.

— Дай Богъ вамъ часъ! сказалъ я, раскланиваясь съ ними.

— Тебѣ — путь дорога! Изъ всей толпы робко отозвался одинъ голосъ.

— Прощайте!

— Богъ по пути! промолвилось какъ будто по обычаю.

— А ты куда идешь? рѣшительно спросилъ меня одинъ.

— Да я уже говорилъ, что иду въ городъ, отвѣчалъ я.

— А по скорому дѣлу?

— Нѣтъ, спѣшить мнѣ некуда, опять отвѣчалъ я на тотъ спросъ.

— А некуда — поѣдемъ съ нами.

— Время, братцы, позднее, теперь пока до города дойду — спать можно.

— Какъ не можно!

— Время ночное, гомонили мужики, одинъ за другимъ.

— А хоть и позднее время, рѣшительно объявилъ мнѣ все тотъ же мужикъ, который сталъ первымъ меня допытывать: — время хоть позднее, а ты пойдешь съ нами.

— Это зачѣмъ?

— А чортъ тебя знаетъ, что у тебя на умѣ! Пойдешь въ городъ да объявишь... Что тогда подѣлаешь!

— А ты, другъ любезный, пойдѣмъ съ нами; мы тебѣ вреда никакой не сдѣлаемъ, а мы будемъ, другъ любезный, безъ опаски.

Дѣлать было нечего, я поѣхалъ съ ними.

— Тебѣ здѣсь дѣлать нечего, говорилъ мнѣ одинъ изъ простодушнѣйшихъ воровъ: — такъ ты садись на пенёшекъ, да трубочку покури.

Я такъ и сдѣлалъ, сѣлъ на пенё, закурилъ трубку и посматривалъ, какъ воры справляли свои промыслы.

— А ну, съ богомъ! сказалъ одинъ.

— Съ богомъ! проговорили другіе.

Мужики помолились на востокъ и принялись рубить лѣсъ.

— Какое дерево ты валишь? крикнулъ одинъ изъ воровъ на другаго.

— А развѣ не видишь?

— Да что видѣть-то?

— Дерево.

— Дерево... А какое дерево?

— Вотъ ты съ нимъ и разговаривай! заговорилъ со мной мужикъ: — дерево —

дрянь! Какъ есть дрянь! Гниль, одна гниль!
А онъ его съ корня снимаетъ!

— Да ну; ладно! По мнѣ все равно!
оправдывался виновный: — я думалъ, древо
негодное...

— А тебѣ годно?

— Ну, да все равно!

И съ этими словами онъ сталъ валить
мачтовый дубъ.

— Опомнися!

— Ну, полно; не пили ты меня!.. самъ
вижу, что оплошалъ!

— Оплошалъ, а тутъ дѣло спѣшное!

Только мой резонеръ стукнулъ разъ то-
поромъ, стукнулъ другой и подошелъ ко мнѣ.

— Вѣдь вотъ человѣкъ! Ему всякое древо
подъ топоръ идетъ, а онъ выбираетъ, что
ни есть самое лядащее!..

— Да на дрова вѣдь и то дерево, кажись,
годилося бы...

— Какъ не годиться?

— Ну, такъ чтожь?

— Да время дорого.

— Въ этомъ дѣлѣ, пожалуй, я тебѣ и не повѣрю; было бы время дорого, ты бы рубилъ дрова, а то вотъ ты со мной калякаешь.

— А для чего не калякать?

— Время дорого.

— За нами не гонять.

Какъ бы то ни было, а дровъ не спѣша нарубили сколько надобно.

Нарубили дровъ поклади на воза, увязали, стали собираться въ городъ.

— А ты пойдешь съ нами? спросили меня, тронувши лошадей.

— Разумѣется съ вами, отвѣчалъ я.

— А кудажь идти, какъ не съ нами? заговорили мужики.

— Да вѣдь теперь вамъ бояться нечего, сказалъ я имъ: — вѣдь теперь хоть доноси начальству, хоть нѣтъ, что вы рубили дрова, вамъ все равно...

— Намъ все едино, все едино!

— Такъ для чего жъ съ вами-то?

— Да для тебя не такъ боязно.

— Тебя съ нами никто не обидитъ.

Стали выѣзжать изъ лѣсу на большую дорогу, я пошелъ рядомъ съ однимъ мужикомъ. Разговорились мы съ нимъ, какъ кому живется, какъ у кого жизнь бываетъ.

— Моя, братъ, жизнь—изъ жизни жизнь! Со мною дѣливались такія тоски - печали, что какъ станешь вспоминать — все нутро воротить!

— Коли такъ горько тебѣ вспоминать про бывалое, сказалъ я: — такъ нечего о томъ и говорить! Что старыя раны разбереживать!

— А я вотъ какое тебѣ слово скажу, другъ ты мой любезный... Добро ужъ ты мнѣ какъ-то по душѣ пришелся: какое тебѣ слово скажешь, слово душевное, то слово у тебя въ душѣ, въ твоей душѣ то слово отзывается!.. Вотъ, что я тебѣ скажу: вспомнишь про свою всю жизнь, я тебѣ сказалъ — нутро воротить, а все кажется, только про то бы и толковалъ! А знаешь, отчего все это бываетъ?

— Да, братъ...

— Нѣтъ; вотъ я тебя, братъ, еще спрошу: любилъ ли ты свою прежнюю любовницу, какъ сестру свою родную? Сестру родную отъ одного съ тобой отца-матери?

— Что-то ты загадочно говоришь...

— То-то загадочно! Для тебя загадочно, а для меня былъ, да такая былъ, что вспомнишь и самъ не знаешь, что на сердцѣ дѣлается: и жутко становится, и радостно-то!..

Мы помолчали нѣсколько минутъ, а можетъ быть и четверть часа.

— Ты знаешь, какъ я женился? спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ, не знаю!

— Не знаешь?... Вотъ, я тебѣ расскажу. Въ нашей деревнѣ — нашъ первый дворъ, и хлѣба всегда вволю, и лошади и скотина всегда противъ людей водилась, да и теперь, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, отъ людей не отстаемъ. А я и теперь, какъ видишь, все таки впередъ людей гляжу; а былъ молодъ: первое разъ — изъ богатаго

дома, другое — изъ себя парень красовитый былъ; ну, и тоже надо сказать, работа изъ рукъ не валилась: косить, что ли тамъ — всегда передомъ иду. Вотъ, по этому самому случаю первымъ женихомъ по деревнѣ почитай считался я: всякой дѣвкѣ хочется и во дворъ хорошій пойти, хоть за какого ни на есть лядащаго; а тебѣ я про себя ужъ рассказывалъ, стало, и болтать объ этомъ дѣлѣ больше нечего! Вотъ было мнѣ о ту пору лѣтъ восемнадцать... Нѣтъ, больше: двадцатый годъ пошелъ. Отецъ мнѣ и говоритъ: пора, молъ, тебѣ жениться! Разъ онъ сказалъ то слово, и другой сказалъ, а я все думаю: какъ, малый, мнѣ жениться? А потому я такъ думалъ, что была у меня полюбовница, дѣвка изъ нашей же деревни, Анютой звали, Анна Петровна, то есть та-то Анюта была дѣвка изъ двора не такъ чтобы задорнаго: коли хлѣбуншко есть — хорошо, а нѣтъ — не прогибайся!.. А только Анюта, Анна Петровна, была дѣвка одно слово работница, а

изъ себя, вотъ все равно, какъ въ пѣснѣ поется.

Словно кралечка написанная,
Да изъ карточки вырѣзанная.

И спознался я съ этой Анной Петров-
ной, и и спознался съ Анной почитай об-
маномъ. — Я тебя, говоритъ, всѣмъ серд-
цемъ, всей душой своей люблю: сколько
силы-мочушки у меня есть, всю за тебя от-
дамъ! Бери меня, какъ есть я теперь дѣвка...
Ни въ чемъ тебѣ запрету нѣтъ! Только не
губиты меня понапрасну, объяви: возьмешь
замужъ за себя?.. Да такъ стала жалостно,
да любовно говорить... А сама-то все дро-
жить, что меня ажъ проняло... А я былъ
на дѣвокъ ходокъ... Какъ взглянула на
меня — все бы такъ ей и отдалъ, такъ бы
на ней и женился. Куда тутъ думать о дру-
гой дѣвкѣ?.. Я сталъ тутъ божиться, что
во всю свою жизнь буду ее любить, что
коли батюшка-родитель не соизволить на
ней жениться, ее за себя замужъ взять, во

вѣкъ ни на комъ не женюсь; а будетъ не-
волить — въ солдаты наймусь! А она опять
свое: — ты, говоритъ, не бойся мнѣ правду
сказать: мнѣ все едино, кромѣ тебя замужъ
ни за кого не пойду: кого любить, любить
буду; я людей не постыжусь... Хоть на
день, а ты меня полюбишь!.. Я ей опять
клясться, божиться... Такъ мы съ ней и спо-
знались... И жили мы съ ней, передъ людьми
хоть и зазорно, а межъ собой хорошо; ни
я противъ нея словъ, ни она супротивъ, —
ни, Господи Боже мой! Вотъ и жили мы
такъ-то до того самаго слова батюшки-
наго, что пора пришла время жениться. А
батюшка спровѣдалъ про Анну: всѣ на де-
ревнѣ ужъ знали, что я съ этой Анютой
живу... Такъ батюшка такъ думалъ: Анна
хоть и не изъ хорошаго дома, да дѣвка
работающая, въ дому будетъ помощница, а
всѣ ужъ знали, что она только и свѣту ви-
дѣла, что во мнѣ: и батюшка про то зналъ.
Такъ онъ отъ этой свадьбы и не прочь
былъ, а еще для моей же души хлопоталъ,

чтобъ я съ Анной не въ грѣхѣ жилъ: закономъ бы весь грѣхъ порѣшилъ. Хорошо. Только сказалъ мнѣ отецъ: женись, — я сталъ думать: я изъ дому хорошаго, за меня пойдетъ за мужъ не то что любая дѣвка по нашей деревнѣ, а и по всему околотку — стоитъ только кличь кликнуть!.. А про ту Анну сталъ я такъ думать: до суда божія, до вѣнца, еще она со мной спозналась, а женись на ней — всѣ люди на смѣхъ поднимутъ: на распутной дѣвкѣ, скажутъ, женился! Только я такъ думалъ, думалъ и надумалъ, что Анна мнѣ не жена. Отецъ больше приставать — женись! А я больше думать: Анютка мнѣ не жена! Сталъ я присматриваться къ другимъ дѣвкамъ... И приглянулась мнѣ дѣвка, Марьей звать, теперь жена мнѣ... Первое изъ семьи богатой, родня тоже, дѣвка работающая, изъ себя видовитая... Отецъ говорить: женись! на комъ хочешь, говорить, женись! — Онъ все думалъ, что я на Анну укажу. А я послѣ своихъ думъ и говорю. — Если по-

изволишь, посылай сватовъ за Марью!.. Отецъ посмотрѣлъ на меня, посмотрѣлъ, да такъ не хорошо посмотрѣлъ... Не будетъ ли, дитятко, грѣха на твоей душенькѣ? говоритъ отецъ. А я молчу.

— Чтожь, посылать сватовъ за Марью? — Посылай! говорю отцу. Послали сватовъ, тамъ рады. Дѣло сразу подѣлали; порѣшили свадьбѣ быть на Михайловъ день: — у насъ престолъ. Съ той поры я къ Аннѣ ни ногой, а до свадьбы еще таки оставалось: Марью ту пропили за меня еще до Покрова. И все то времячко я и самъ не свой: жду не дождусь, какъ съ Марьей подѣвнецъ стану. Марья была дѣвка смирная, тоже умная, да только какъ взглянетъ, бывало, на меня, такъ, бывало, вся и зардѣетъ: малый - то я ужъ очень изъ себя ловокъ былъ. — Вотъ оттого-то я и любилъ больше Марью. Аннѣ, бывало, что скажешь про свое, она скажетъ, что дѣло, а что не дѣло, то какъ топоромъ отрубить: — Ты, говоритъ, не дѣло говоришь, вотъ такъ и

такъ это дѣло повести надо... А ты и стоишь, дуракъ-дуракомъ, и при всемъ людѣ хоть пѣсню пой:

Красна дѣвица молодца,
Поборола, поборола!
При всемъ честномъ людѣ —
Осрамила, осрамила!

А ты стоишь! А послѣ по ея сдѣлаешь — а выйдетъ такъ!.. И не то, чтобы она говорила какъ нибудь это, хотя меня на разумъ навести, али съ насмѣшкой какой. Нѣтъ. А такъ, просто: добра-мнѣ ищучи!.. А мнѣ передъ ней какъ-то совѣстно... Марья не то, что скажешь ей — все хорошо: пьянъ напьешься — и то хорошо! — «Послѣ трудовъ повеселить себя надо!..» А вѣрное слово тебѣ скажу — до пьяна я безъ дѣла не пью: — престоль когда у насъ, али на свадьбѣ у кого, на крестинахъ; — а такъ чтобы — ни-ни! Въ одномъ только и попереचितъ: съ дѣтьми не мутить! Что хочешь дѣлать — дѣлай, а дѣтей своихъ не обижай!

Такъ окрысится хоть на кого, что по неволѣ отъ нея отойдешь!.. Вотъ какая!.. А не тронешь дѣтей — что хочешь то и дѣлай, слова поперечнаго не услышишь. Вотъ за самое за это и полюбилась мнѣ Марья! Какъ теперь помню: жду не дождусь того времячка, какъ съ Марьей подъ вѣнецъ стану, судъ божій принять. Только пришло и то времячко. Въ вѣкъ мнѣ его не забыть! Стали сватьбу играть, — я былъ радостенъ. Все справили, какъ законъ велитъ; поѣхали къ вѣнцу, въ божью церковь... А надо ѣхать мимо двора Петрова, мимо того двора, гдѣ Анна-то Петровна жила. Какъ поѣхали мы мимо Аннина двора, а Анна-то стоитъ на крылечкѣ, схватилась за столбы точеные, — такъ бы ей и на ногахъ не устоятъ; вся дрожма-дрожить!.. Какъ увидала меня радостнаго, да веселаго, мимо ея двора съ другой къ вѣнцу ѣдучи, да какъ вздрогнетъ, да какъ крикнетъ: — «Прощай, другъ! На тебя, душа, мой прежній любовничекъ, не сержуся!» Такъ меня

отъ этихъ рѣчей словно варомъ окатило!.. И сказала тѣ самыя рѣчи при всемъ, при народѣ: самъ знаешь, со свадьбой сколько народу ѣдетъ, а она никого не постыдилась, сама покаялась: была полюбовницей!.. «Была полюбовницей!» такъ и стоитъ въ ушахъ у меня... А какъ глянулъ на Машку, на невѣсту свою — духъ замеръ. Допрежъ этихъ словъ въ Машкѣ своей души не слышалъ, а теперь, рыло свое поворачивать къ ней — просто мочи нѣтъ!.. Какъ пришли въ церковь божью, какъ насъ попъ-батюшка перевѣнчалъ, какъ заставилъ цаловаться — хоть убей, по сю пору не помню. Повезли насъ домой, поѣхали мы мимо Аннина двора — хоть бы тебѣ собака тявкнула; ничего не слышно, ничего не видно! Привезли насъ домой, посадили за столъ, а я на жену свою, на новобрачную, и смотрѣть не могу!.. Гости по обычаю, какъ законъ велитъ, приговариваютъ — «горько!» цаловаться съ женой надо, а у меня съ души претъ! Не помню, какъ насъ изъ-

за стола вывели, какъ спать положили: ничего не помню!.. Тамъ, по закону сколько время спустя, пришелъ дружокъ, сваха, поднимать насъ, молодыхъ... Дружокъ такъ и затрясся, а сваха совсѣмъ таки присѣла!.. Смотрятъ они, а я на свою новобрачную звѣремъ гляжу!.. Сваха взвизгнула, а дружокъ: «Дѣло плохо», говоритъ, — свадьба испорчена!..

Какъ кинулся я, не въ избу, гдѣ родители, родственники, радости дожидались, а кинулся я куда глаза глядятъ!.. Не день прошелъ такъ, не два, а сколько недѣль!.. Силъ моихъ не стало! Пришелъ я опять къ Аннѣ Петровнѣ. — «Силъ моихъ нѣтъ, Анна Петровна, безъ тебя прожить! Давай еще съ тобой въ любви поживемъ!» — Нѣтъ, говоритъ, другъ; ты теперь законъ принялъ, въ законѣ и живи, а я твоему закону не нарушница! — «Сколько къ ней ни приставалъ, одно слово: я твоему закону не нарушница!.. Да такъ мнѣ тошно пришлось, что хотъ на себя руки подни-

май... Семья видитъ дѣло плохо. Собралась вся родня, стали думать, какъ дѣлу помочь, и порѣшили: позвать Аннину тетку... А Аннина тетка: родить ли кто — ее зовутъ, горшокъ на брюхо накинута — ее зовутъ: знахаркой слыла... Позвали ту тетку, стали всей родней ее чествовать. Почествовали ее сколько надобно и стали говорить: что, такъ и такъ: свадьба испорчена, помоги горю, приворожи мужа опять къ своей женѣ! — Нѣтъ, говоритъ тетка, — я ворожить не умѣю: николи не ворожила... (а она нехотѣла только признаться: а была всѣмъ завѣдомо знахарка) — николи не ворожила, а по мѣрѣ силъ, на пользу ближняго, какъ Христосъ велитъ тружусь. Вотъ и теперь, такое слово скажу: пусть молодожены оба вмѣстѣ пойдутъ къ Анютѣ, да испросятъ у ней христіанскаго прощенія: у Анюты душа ангельская; проститъ, дастъ господь, богъ и помилуетъ!.. — Чтожь ты думаешь?! Вѣдь отворожила всю эту порчу свадебную! — Ступай, говорю женѣ, — сна-

ряжайся; пойдѣмъ, говорю, ты со мной!.. А мнѣ жену-то свою, богомъ данную, и по имени-то назвать было противно!.. Подходимъ мы съ женой къ Аннину двору — боязно; входимъ въ избу, смотримъ, а она, моя голубушка, сидитъ за столомъ, не въ прежнемъ углу, а такъ, по-одадь, за оконичкомъ; правой рученькой головушку подперла... А сама-то вся такая болѣзная, да сиротливая... Какъ взглянулъ я на нее, ажъ духъ во мнѣ замеръ!.. А Анюта сидитъ и не слышитъ, какъ мы въ избу вошли. Мы стоимъ передъ нею, а она не видитъ... Марья, жена моя, какъ взвизгнетъ, да прямо въ ноги ей кинулась!.. Я за женою — тоже Аннѣ въ ноги!.. Анна, какъ взглянула на насъ, что снѣгъ вся побѣлѣла, да какъ бросится на шею къ Марьѣ, да какъ стала ее цаловать... — Любила, говоритъ, я друга: всю бы душу за него отдала бы!.. Теперь ты его люби!.. А я вашему закону не нарушница!.. А я стою, какъ не причѣмъ... Только смотрю:

Анна Петровна такая стала веселая... Садитесь, говоритъ, за столъ! Вы у меня гости дорогие!

— Съли мы за столъ, стала насъ подчивать. Сама налила себѣ стаканчикъ водки, да и говоритъ: горько!

— Какъ я посмотрѣлъ на свою жену: въ первой мнѣ жена за жену показалась!.. И такъ мнѣ на душѣ показалось радостно!.. Анна говоритъ: горько! Я Марью цалую, и не то, чтобы по нуждѣ, а такъ, какъ надо жену мужу цаловать!.. Смотрю на Анну, на Марью — радуюсь!.. Марья мнѣ жена, а Анна — словно сестра мнѣ родная... Пошелъ я съ Марьей домой — пойдемъ, Маша, говорю, задворками!» Такъ Маша ажъ вся замлѣла: въ первые отъ меня послѣ вѣнца ласковое слово услышала... Послѣ того Анна Петровна къ Машѣ понавѣдываться стала: стала Маша родить, а родины были трудныя, трое сутокъ, бѣдная мучилась!.. Такъ Анна три ночи глазъ съ глазомъ не смыкала!.. А какъ родился

мальчишка, такъ ей радости было, почти-
тай больше чѣмъ родному отцу съ ма-
терью!.. Вотъ она какая!.. Теперь она жи-
ветъ у насъ въ деревнѣ бобылкою и только
у ней радости и есть, какъ бы моихъ съ
Марьей дѣтей чѣмъ ни на есть утѣшить:
одному рубашку сошьетъ, другому шапочку
какую приладить... Живетъ она бобылкою,
про бобылокъ ты знаешь довольно; а спроси
ты кого хочешь про Анну Петровну бобыл-
ку, никто дурнаго слова не скажетъ; а за
прежнюю ея гульбу со мной, не то, чтобы въ
укоръ что сказать, или дурнымъ словомъ
обозвать, а и такъ никто не промолвится.

Этотъ рассказъ сократилъ мнѣ дорогу;
мы подѣхали къ самому городу.

— Вы гдѣ будете ночевать, братцы? спро-
силъ я у городской заставы.

— А гдѣ ночевать?.. Скоро базаръ нач-
нется, такъ мы прямо на площадь: тамотко
и обождемъ.

— Ну, такъ прощайте, братцы! Я пойду
гдѣ нибудь въ теплѣ отдохну!

— Прощай, братъ! сказалъ одинъ.

— Послушай, братъ, прибавилъ другой:— послѣ ранней обѣдни выходи на базаръ: продадимъ дрова, станемъ могоарычи записывать, тебѣ поднесемъ.

Много спустя послѣ ранней обѣдни, я вышелъ на базаръ.

— Эй, парень!.. Эй! кричали мнѣ изъ одного кабака.

Я остановился.

— Эй, парень!.. Ступай сюда! Ступай! Я вошелъ въ кабакъ.

— Забылъ что ли, заговорили мужики, мои ночные товарищи, — что мы обѣщались тебѣ поднести?

— Нѣтъ, не забылъ; да мнѣ и не надо; я и самъ могу васъ попотчивать.

— А ты этого говорить не моги! Мы обѣщались, мы и поднесемъ, а твоего не хотимъ.

Я съ ними выпилъ и распрощался, кажется на-всегда.

ПРЕЖНЯЯ РЕКРУТЧИНА И СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

По пѣснямъ.

Новѣйшее законодательство сдѣлало значительныя и благодѣтельныя перемѣны въ системѣ наборовъ, въ срокахъ службы, въ наказаніяхъ нижнихъ военныхъ чиновъ и т. д. Совершенно перемѣнилось обращеніе командировъ съ солдатами, почти нѣтъ въ настоящее время ни одного офицера, который не обращалъ бы вниманія на внутреннюю солдатскую жизнь. Все это не преминетъ, конечно, принести самые лучшіе результаты, и очень вѣроятно, что со временемъ, самый взглядъ нашего народа на рекрутство измѣнится существеннымъ образомъ. Но долгое существованіе преж-

ней, тяжелой системы оставило въ народѣ слѣды, выразившіеся въ пѣсняхъ, разсказахъ, присловьяхъ. Мнѣ кажется, что именно теперь, въ виду уничтоженія стараго порядка, не безъинтересно собрать въ одно цѣлое все, въ чемъ выразилъ народъ свое воззрѣніе на рекрутчину и солдатскій бытъ.

Пусть настоящій этюдъ послужитъ памятью о давнемъ, тяжеломъ, но, къ счастью, и отходящемъ прошломъ. Очень можетъ быть, сказалъ я выше, что даже и о бывшемъ солдатствѣ народъ станетъ думать и пѣть иначе; но еще и до сего времени въ русскихъ деревняхъ, на солдатство народъ смотрѣлъ какъ на несчастіе, на бѣду, которая можетъ разогнать, разорить какую угодно семью. Такъ, въ одной пѣснѣ поется:

Въ мужика было богатаго
Да и были три сына хорошіе,
Охъ, вышло на нихъ несчастіице,
Что большое несчастіице, бѣдушка великая:
Что и вышла на нихъ рекрутчина, и т. д.

Объ эту бѣдушку, не малую, большую, —
солдатство, разбивалась какая угодно удалъ.
Одинъ говоритъ:

Никогда у меня, раздобраго молодца
Такого горя не бывало,
А вотъ нынѣшній день, братцы, день-денечикъ,
Тоска — горе меня обуяла!
Что куютъ-то куютъ, меня раздобраго молодца,
Куютъ во желѣзы,
Что везутъ-то, везутъ, меня разудалаго молодца,
Везутъ во солдаты.

Въ другой пѣснѣ разсказывается про всю
молодецкую гульбу, среди которой застала
раздобраго молодца *рекрутчина*.

Попила-ль моя головушка,
Пила-ль — погуляла
Не за батюшкой, не за матушкой
Буйной головою,
Не за братцовой, не за сестрициной
За легкой работой!
Что со радости мои кудрюшки
Со радости вьются,
Что со горя ли со кручинушки
Русыя сѣкутся!..

Охъ, зачуяли мои кудрюшки
Надъ собой невзгоду,
Охъ и ту ли невзгоду —
Большое солдатство!

Тоска и печаль заставляла раздобрыхъ
молодцевъ плакать и обращаться къ своимъ
близкимъ съ такой скорбью:

Разтоскуйся ты, моя сударушка, по мнѣ разгорюйся!
Что ни самъ ли то я, самъ раздобрый молодецъ, самъ
по себѣ взорвался!

Обижаютъ меня сиротинушку злые люди:
Что и ловятъ меня сиротинушку, ловятъ во солдаты!

На этотъ вопль откликаются всѣ друзья
и сродники, а душа красна-дѣвица:

Какъ сказали другу
Да на царскую службу —
Плакала, рыдала,
Слезы проливала, —
Всю ночь не спала!

Напрасно ее уговариваютъ:

Ты не плачь, не плачь, красная дѣвушка:
— Не сама я плачу, плачутъ ясныя очи,

Что и сами слезы, слезы изъ глазъ катятся,
Что везутъ, отдають дружка во солдатушки!
Въ молодые его, дружка, рекрутики.

Отъ этой тоски-горя бѣжали тогда кто
куда могъ; кто въ лѣса, кто въ монастырь
къ знакомымъ старцамъ и монахинямъ,
переждать наборъ, но нигдѣ раздобрый мо-
лодецъ не былъ безопасенъ:

Обижаютъ его, сиротинушку, злые люди,
Что и ловятъ его, сиротинушку, ловятъ во солдаты.

Которому удастся отбѣгаться отъ ре-
крутчины, а котораго

Поймали добраго молодца, поймали у прилуки,
Что у той ли у прилуки, у красной у дѣвки.

Видить мужикъ, что не всегда и отбѣ-
гаешься, сталъ придумывать, какъ дѣлу
помочь, какъ бы канцелярскимъ порядкомъ
рекрутчину обойти. Вздумали *сказки рас-*
писывать: большая семья записана въ
одну ревизскую сказку, рекрутъ непремѣн-

но слѣдуетъ; разобьютъ семью по бумагѣ на двѣ семьи; обѣ семьи небольшія и рекрута не берутъ... Узнали и про это злые люди, выдумали *самовольный раздѣлъ*.

Сказанъ наборъ. Вотъ въ семьянистой избѣ старикъ отецъ думаетъ:

Кому-жь, дѣтушки, идти во солдатушки!

.....

Что и старшаго сына жаль отдать,
А середняго не хочется.

.....

Что меньшей-то сынъ —
Тотъ въ разумъ не вошелъ...

Обыкновенно рѣшаютъ:

Идти ли не идти сыну меньшему!..

Вотъ теперь начинается новая сцена:

Во слезахъ сказалъ родный батюшка:
Что идти ли не идти сыну меньшему,
Сыну меньшему Иванушкѣ.

.....

Въ возрыданьицѣ матушка словъ не вымолвила.

Едва сказанъ наборъ, тотъ, за кѣмъ стоять рекрутская очередь —

. припечалится,
Молода жена расплачется,
Мады дѣти разрыдаются!..

Въ былое время, назначеннаго въ рекруты, такъ называемаго *годнаго*, сейчасъ по назначеніи заковывали въ желѣзы, и ни одна рекрутская пѣсня не обходится безъ этихъ ненавистныхъ, незаслуженныхъ *желѣзъ*, видно какъ куютъ руки-ноги добру молодцу во желѣзы.

Однихъ только наемщиковъ и охотниковъ не ковали во желѣза; за тѣми много было караульщиковъ; но эти несчастные выдумывали такія безобразія, что они не заслужили въ народѣ рѣшительно ни одной пѣсни, по крайней мѣрѣ я ни одной не слышалъ. Въ охотники обыкновенно нанимается самый безпутный народъ. Наемщикъ бросаетъ всю семью, часто жену съ дѣтьми, безъ гроша денегъ, скудно остав-

ляя имъ нѣсколько рублей, пропивая самъ сотни, а нерѣдко и тысячи во время своей гульбы. Они обыкновенно, при наймѣ, договариваютъ, сколько времени гулять. Кроме условленной платы деньгами, въ это время хозяинъ, т. е. нанимающій за свою семью, дѣлается самымъ покорнымъ слугою своего охотника; что бы тотъ не потребовалъ, — хозяинъ долженъ подавать, куда бы тотъ ни захотѣлъ ѣхать — хозяинъ долженъ везти; что бы тотъ ни истратилъ — хозяинъ долженъ заплатить.

Кто не видалъ, какъ этотъ безпутный людъ, съ крикомъ и гамомъ, махая краснымъ платкомъ, обнявшись съ дешевыми красавицами, окруженный не сродниками, не пріятелями, а караульщиками, ѣздитъ по улицамъ? Разъ только въ Мценскѣ увидали охотника, гуляющаго съ сродниками.

— Просто на всѣхъ ужасъ нагналъ, говорилъ одинъ изъ очевидцевъ этого безобразія. — Пьяный самъ, а тутъ сестра

родная пляшетъ... а тутъ мать, пьяная!.. Просто неподобно!

А должно быть и между этими безпутными, безобразными, бывали люди, да и хорошіе люди.

— Надо охотника искать! говорилъ мнѣ *настоящій* мужикъ, мужикъ стоящій, т. е. мужикъ зажиточный; а почетность въ деревняхъ даромъ не достается, и ежели мужикъ пользуется почетностью, то эта почетность — вполне заслуженная.

— Мнѣ не случалось слышать, чтобъ хорошій человѣкъ пошелъ своей охотой за чужую семью наемщикомъ въ солдаты.

— Бываетъ и хорошій человѣкъ: не нанялся бы въ солдаты, а нужда какая пришибетъ — не самъ онъ нанимается, нанимаетъ нужда его.

— А тебѣ и такихъ случалось видать?

— Да не знаю, какъ тебѣ и сказать: и видѣлъ, и нѣтъ. Возили мы барскую рожь во Мценскъ; заѣхали ночевать; а у нашего хозяина гость, тоже мужикъ. Пиръ та-

кой идетъ!.. Во! Вдвоемъ за ночь четверть выдули: послали въ кабакъ взять четверть, а къ утру хоть бы опохмѣлиться осталось! Хорошо! Только видимъ: съ ними парень, такъ, лѣтъ двадцати пяти; онъ то и есть охотникъ. Чтожь ты думаешь? Не только чтобы онъ за столъ сѣлъ, а въ избѣ то почестъ не сидѣлъ; все на дворѣ стоялъ, а водки хоть бы тебѣ каплю въ ротъ взялъ! А лицо то такое жалостливое, да такое смутливое... За этимъ и присмотру никакого: — «Этотъ, говоритъ хозяинъ — не уйдетъ: Этотъ у меня не гуляетъ!» Стало быть этотъ былъ и путный, а вотъ нанялся же охотникомъ.

Вотъ единственный случай, въ которомъ наемщикъ былъ *по подозрѣнiю* хорошимъ человѣкомъ. Повторяю, что изъ наемщиковъ я не знаю ни одной пѣсни, но добрыхъ молодцевъ народъ провожаетъ пѣсней до гробовой доски.

Поймаютъ молодца, скуютъ и стануть чествовать. Никто на него не сердится,

за нимъ нѣтъ никакой вины, а ежели и была — ему всякая вина отпустится; но куютъ не изъ сердцовъ, а изъ предосторожности, чтобъ не убѣжалъ. По этому отдатчикамъ въ обязанность становилось обычаемъ ублажать гожихъ: отдатчики должны хорошо кормить гожихъ, и почти всегда поить водкой. Но эти люди не предавались такому развратному разгулу, какъ наемщики, потому что не имѣли воли, а главное — у нихъ оставалась семья, родина, отъ которыхъ охотникъ добровольно отказывался.

Гожаго, сковавъ, сажали на пару лошадей и везли къ приему въ городъ, въ которомъ находится рекрутское присутствіе. А на парѣ лошадей мужикъ ѣздитъ только въ одномъ еще случаѣ — на свадьбахъ. Это обстоятельство не упущено пѣснею:

Посадили меня, раздобраго молодца,
Въ козырные сани,
Повезли то меня только разудалаго
Въ городъ — во губерню,

Привозили меня, раздобраго молодца,
Меня ко приему.

Все, что поражаетъ человѣка при приѣмѣ
въ рекруты, высказано въ пѣснѣ со всѣми
подробностями:

Привели меня, раздобраго молодца,
Меня ко приему,
Раздѣвали меня, раздобраго молодца
До бѣлаго тѣла,

.

Ставили меня, сиротинушку
Въ казенную мѣру.
Какъ и стали они, меня сиротинушку,
Они стричь и брить...
Охъ, ужъ брейте вы мои кудерушки,
Брейте, не жалѣйте!

.

Привезли то меня, сиротинушку,
Меня ко приему,
Всѣ приемщицки ли на сиротинушку
Они вздивовались:
Да и гдѣжъ тотъ ли сиротинушка
Гдѣ жъ онъ уродился?

Забрили лобъ — все еще не солдатъ,
все еще онъ можетъ убѣжать, — съ бѣ-

глица взыску нѣту, пока присягу не принялъ на царскую службу. Народъ думалъ, что рекрутъ принималъ присягу на царскую службу только на 25 лѣтъ, а что послѣ 25 лѣтъ солдатъ воленъ идти на всѣ четыре стороны.

Пока не пригоняли молодаго рекрута къ присягѣ, всякій крестьянинъ помогалъ ему, когда тотъ задумывалъ бѣжать.

Забрили лобъ, пригнали къ присягѣ, и вотъ гонятъ молодыхъ солдатъ, —

А за ними идутъ матушки родныя;
Во слезахъ они пути-дороженьки не видятъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Эхъ, вы матушки, вы матушки родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами!

А болѣе забубенныя головы прощались со своими разлапушками-сударушками:

Прощай, бабы, прощай дѣвки!

Намъ теперя не до васъ —

Во солдаты везутъ насъ!

Посмотримъ, какъ народъ смотрѣлъ на солдатское житье-бытье. Для этого я опять обращаюсь преимущественно къ народнымъ же пѣснямъ. Но при этомъ я долженъ оговориться. Есть два рода солдатскихъ пѣсенъ; однѣ даже при поверхностномъ взглядѣ въ самомъ дѣлѣ, оказываются поддѣльными подъ народныя пѣсни; другія — чисто народныя.

Эти пѣсни почти не поются народомъ, а ежели и поются, то какъ пѣсни *модныя* и, разумѣется, болѣе полированнымъ людомъ, напр. фабричными.

Есть другія пѣсни, въ которыхъ говорятъ совершенно другое.

Мужикъ, поступаая въ солдаты, начиналъ совершенно иную жизнь; все мѣнялось: образъ жизни, занятія, одежда, прическа. И надо сказать, что тогда многое было, какъ намъ кажется, не только лишнее, но иногда и вредное.

— Нынче какая служба! говорилъ мнѣ отставной солдатъ еще до 1855 года. —

Нынче что за слѣжба! Нѣтъ, послужили-бы по нашему! Это взять теперь хоть солдатскую одежду...

Въ эдакой то одежѣ, да еще ученье, въ которыхъ рекрутъ не видалъ цѣли, да и какъ растолковать рекруту пользу учебнаго шага, пунктиковъ?

Пѣсенъ мало, рассказовъ же про прежнія ученія вы можете много слышать, — лишь бы была у васъ охота. Старики солдаты, — разумѣется отставные, — поразскажутъ вамъ.

Къ войнамъ до-Петровскаго времени народъ прилегалъ всей душой; простая цѣль тѣхъ войнъ была понятна народу. Надо бы было указать на самую старинную русскую военную пѣсню, на пѣсни про владиміровыхъ богатырей, и, въ особенности, на пѣсню о Полку Игоревѣ, но я думаю, что и безъ этого можно обойтись. Мы возьмемъ лучше пѣсни про войны Московскаго царства. Какъ видно по этимъ пѣснямъ сердечное участіе народа

въ этихъ войнахъ! По сборнику пѣсенъ И. В. Кирѣевскаго, я полагаю, что самая старинная пѣсня солдатская про куликовскую битву. Но этой пѣсни у меня нѣтъ подъ рукой, а ежели бы и была, я не имѣлъ бы права ее приводить. Не буду также ссылаться на пѣсню, записанную Желѣзновымъ про Рыжечку, хотя эти пѣсни и помогли бы мнѣ. Начнемъ съ пѣсенъ временъ Іоанна Грознаго. Пѣсня про взятіе Казани-города сохранилась въ народѣ во многихъ варіантахъ и по всѣмъ варіантамъ видно, что народъ съ участіемъ смотрѣлъ на эту войну, да и видѣлъ народъ достаточную причину самаго гнѣва Грознаго на Казань-городъ.

Они бѣлому царю всякое грубіанство оказываютъ, Ужь и вотъ тебѣ, бѣлый царь, Казань-городъ взять! Оттого-то бѣлый царь разсердился, распылился на
Казань-городъ.

Въ другихъ варіантахъ это обстоятельство рассказываетъ проза:

Что татары же по городу похаживали,
Что грозна-царя Ивана Васильевича поддразнивали*).
Что и тутъ-то нашъ грозенъ царь прикручинился.

Царь Грозный велѣлъ подкопы подкопать
подъ казанскія стѣны, велѣлъ пушкарямъ
въ тѣ подкопы бочки — зелья пороху на-
класть и поставить двѣ зажженные свѣчи,
одну въ порохъ, чтобы произвести взрывъ,
другую у царя, чтобъ видѣть, какъ скоро
произойдетъ взрывъ. Сгорѣла свѣчка, сто-
явшая передъ царскимъ шатромъ, — а
взрыва еще нѣтъ! Царь Грозный распа-
лился на пушкарей:

Приказалъ грозный царь тѣхъ пушкарей казнить.

На счастье случился тутъ молодой пуш-
каръ, что годами еще молодъ былъ, а раз-
умомъ можетъ и постарше всѣхъ.

Этотъ пушкаръ сказалъ царю:

Не прикажи казнить, прикажи слово вымолвить!
Въ тиши, въ погребу долго свѣчи теплятся,
На бую на вѣтру скоро свѣчи горять.

*) Этому стиху есть и еще варіантъ, неудоб-
ный для печати.

Не успѣлъ молодой пушкаръ слово вымолвить, какъ взорвало всѣ стѣны Казань-города.

Этотъ пѣсенный рассказъ совершенно согласенъ съ официальнымъ рассказомъ лѣтописей. Стало быть всѣ знали, какъ шла осада, за что понадобилось такое скорое наказаніе, всѣ подробности этого дѣла. Къ самому царю, къ Грозному, да еще въ ту минуту, когда этотъ Грозный царь распалился, разгнѣвался, обратился молодой пушкаръ съ совѣтомъ. Въ этой пѣснѣ видно участіе, которое принималъ въ дѣлѣ всякъ, даже молодой пушкаръ.

Въ пѣснѣ про осаду Пскова Баторіемъ рассказано все, съ начала до конца: какъ началась война, отчего, какими путями шелъ король-собака на батюшку, на Опсковъ городъ; однимъ словомъ, вся псковская компанія эта рассказана одною пѣснею.

Копилъ то, копилъ король силушку,
Копилъ то онъ, собака, двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ то онъ силушки — смѣты нѣтъ.

Мало, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ,
Накопимши онъ силы — на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:
На первый на городъ на Полоцкій,
На другой то городъ — Велики-Луки,
На третій, на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и полоцкій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходитъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился, собака, въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ, собака, на золотъ стулъ,
Смекалъ то онъ силушку по три дня,
По три дня и по четыре:
Много ли силушка убыла,
А много ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ ротъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ, собака, возрадуется;
— Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга государевы *)
Бери слово коня Бахмута,

*) Здѣсь долженъ быть пропускъ.

Поѣзжай во батюшку во Опсковъ-градъ:
Во городъ въѣзжай, — не спрашивай,
Ко двору подѣзжай, -- не докладывай,
Во палаты входи — не бей челомъ;
Клади ярлыки на дубовы столы,
За столами сидитъ воевода царевъ
Карамышевъ, Семень Константиновичъ.
— Охъ, ты гой еси, воевода царевъ,
Карамышевъ, Семень Константиновичъ!
Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго!
Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
На другомъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, прохладиться,
Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
А тебя, воевода, казнить буду! —
Возговоритъ воевода царевъ
Карамышевъ, Семень Константиновичъ.
— Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Ходкевичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ города безъ боя,
Безъ боя и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!

Какъ съ вечера солдаты причащались,
Со полуночи ружья чистили.
По бѣлой зорѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей соходила,ся,
Не зоря съ зорей сомыкалася,
Соходилися два войска, два великія,
Бѣлаго царя съ королевскимъ.
Тутъ ѣздитъ разѣзжаетъ удалой добрый молодецъ,
Еще то ли воевода царевъ,
Карамышевъ, Семень Константиновичъ,
Кому у насъ на бою, братцы, божья помощь?
Помогъ богъ воеводѣ Московскому,
Карамышеву, Семену Константиновичу,
Побилъ силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщичковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
Насилу король самтретей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ, собака, заклиняется:
— Не дай, боже, мнѣ въ Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ и не внучатамъ!
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ!

Про пѣсни временъ самозванщины, про
Скопина-Шуйскаго, должно тоже сказать:
и въ этихъ пѣсняхъ видно народное
участіе во всѣхъ дѣлахъ; они всякому
были извѣстны, всякъ стоялъ за ту сто-

рону, гдѣ онъ видѣлъ, по своему, сторону правую.

Теперь, какъ мной уже сказано въ началѣ, военная служба совершенно измѣнила характеръ; лучшимъ доказательствомъ тому служить добровольное поступленіе на службу многихъ охотниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, народъ уже хорошо сознаетъ преимущества нынѣшней службы, но не можетъ вдругъ отдѣлиться отъ прежнихъ своихъ воззрѣній; ему все кажется еще, что это хорошее случайно можетъ измѣниться. Но придетъ время, даже можетъ быть скоро, когда онъ убѣдится, что улучшения въ военной службѣ прочны, и что довѣрять имъ онъ можетъ вполне. Мнѣ случалось слышать не мало солдатскихъ бесѣдъ, изъ которыхъ видно, что сдѣланныя въ ихъ быту улучшения они хорошо сознаютъ.

МУЖИЦКІЙ ГОДЪ.

Степными губерніями, какъ извѣстно, называютъ губерніи: воронежскую, курскую, тамбовскую, тульскую и орловскую; послѣднія двѣ не совсѣмъ степныя, потому что въ тульской губерніи лѣсовъ много, только къ Новосилю ихъ мало, а въ орловской губерніи почти цѣлые уѣзды: брянскій, трубчевскій, сѣвскій, да больше чѣмъ на половину карачевскій, дмитровскій, — сплошь покрыты лѣсами, и эти-то мѣста, а съ ними и сосѣднія, также лѣсистыя, и называются Полѣсьемъ. Въ Полѣсьѣ земля плохая, одинъ песокъ; а по степи черноземъ, да такой черноземъ, что часто толще аршина слой этого чернозема. Казалось бы, что въ степи и жить лучше, и мужикъ

противъ полѣхи богаче; а на дѣлѣ выходитъ не то: полѣха — тотъ кто живетъ въ лѣсѣ — не въ примѣръ богаче того, кто живетъ на самомъ лучшемъ черноземѣ. А если еще прибавимъ, что степняку приходится и работа труднѣе, то поневолѣ приходитъ въ голову: отчего же это — одинъ живетъ на лучшей землѣ, другой на худшей; одинъ работаетъ больше, другой меньше; а первому жить хуже другаго?

Посмотримъ, какъ живетъ мужикъ въ самой степи, въ хлѣбородномъ мѣстѣ. Всю степную полосу можно раздѣлить еще на двѣ полосы: въ южной полосѣ сѣютъ коноплю, овесъ, гречу, рожь и пшеницу; пшеницы даже больше, чѣмъ ржи, а въ сѣверной — всѣ эти хлѣба, исключая пшеницы, которой почти не сѣютъ — не родятся; а какъ пшеница самый дорогой хлѣбъ, а на обработку ея идетъ столько же труда, какъ и на обработку ржи, то это дѣлаетъ большую разницу въ барышахъ мужика, положимъ курскаго, и му-

жика тульского, хоть у послѣдняго конопля и больше, чѣмъ у перваго, да все-таки она не такъ выгодна, какъ пшеница: за коноплей хлопотъ больше, да и удобренія требуетъ больше. Такъ посмотримъ, какъ живетъ народъ въ сѣверной — ржаной части, въ которой, вѣроятно, и пословица сложилась: *матушка рожь всѣхъ дураковъ кормитъ, а пшеница по выбору.*

Если какой нибудь господинъ изѣздитъ на почтовыхъ лошадяхъ по шоссеиной дорогѣ, Россію, то и тогда не замѣтитъ никакой разницы между одною мѣстностью и другою: таже прямая дорога, тѣже станціи, тѣже ямщики, смотрители; ѣхать на долгихъ, да по большой дорогѣ, тоже мало замѣтнаго: тѣже дворники зазываютъ проѣзжихъ съ овсомъ въ рукѣ, тѣже постоянные дворы съ большими навѣсами по всему двору. Проѣхавъ отъ Москвы прямо къ югу верстъ триста, свернемъ въ сто-

рону; хоть вправо, хоть влево — это все равно; ѣхать далеко отъ большой дороги — не надо: отъѣзжайте отъ большой дороги версты двѣ-три, и довольно: здѣсь нѣтъ уже того однообразія, какое встрѣчается на станціяхъ и на постоянныхъ дворахъ. Но если вы свернете на проселокъ — увидите большое различіе въ жизни, способахъ къ жизни мужиковъ, живущихъ въ очень близкихъ мѣстностяхъ.

Свернете вы въ сторону на проселокъ, проѣхавъ версты 2—3, нападете на какуюнибудь деревушку; въ ней десятокъ, другой черныхъ избенокъ, объ одномъ, двухъ окошкахъ; избенки всѣ не очень весело смотрятъ: которая еще стоитъ, а которая и совсѣмъ на боку.... Деревушка эта стоитъ на какомънибудь пригорочкѣ, который только въ этой степи называютъ горой; въ другомъ мѣстѣ его бы и не замѣтили. Подъ пригорочкомъ стоитъ прудъ, съ грязными берегами; этотъ прудъ и запружонъ вчастую только для водопоя: надо

же скотину напоить; запрудишь, гнилой ручей пересохнетъ, все лѣто безъ воды, а безъ воды жить нельзя; стало быть, не мудрено, что берега грязны: скотина разбила. Случается, что прудъ пригожается еще: иногда можно и мельницу поставить; хоть объ одномъ камушкѣ, а все-таки мельница. Бываютъ мельницы и большія, да тѣ мельницы не мужицкія: либо барскія, либо купеческія; а если онѣ и общественныя — толку отъ нихъ тоже мало: мельницы эти отдаютъ въ наемъ купцамъ или кому другому; тому отъ мельницы и барышъ, а міру отъ нея мало что перепадетъ. Въ нашей же деревушкѣ прудъ безъ мельницы, прудъ мутный; вода въ этомъ прудѣ до того мутна, что и пить ту воду человѣку нельзя; горю этому мужики однако помогли: нарыли колодцевъ, стали воду доставать бадейками. Кто просто опуститъ бадью изъ рукъ на веревочкѣ, а глубокъ колодезь — придрълали журавлей; а еще глубже, или на журавль слеги не хвати-

ло, то кое-какое колесо, а чаще простой валикъ, — тѣмъ колесомъ и достаютъ воду. Зимой такую деревушку, всю и съ прудомъ, до того заноситъ снѣгомъ, что и не видно, гдѣ избы стоятъ, гдѣ прудъ; да до того заноситъ, что и воротъ отворить нельзя; такъ скотъ или на водопой не гоняютъ, а то, если можно, черезъ крыши переходятъ.

Вѣѣзжаемъ мы въ эту деревню на восходѣ солнышка раннею весной: въ оврагахъ снѣговая вода бѣжитъ, прудъ надувается; но снѣгъ еще не сошелъ: только на пригрѣвѣ высохло. На сухомъ-то мѣстѣ въ концѣ деревни собрались крестьянскія дѣвушки, всѣ разряжены: съ чистыми полотенцами на головѣ, съ лентами въ косѣ, въ бѣлыхъ льняныхъ рубашкахъ, въ нарядныхъ понёвахъ, всѣ обутия, — правда, что обуты которыя и въ лапти, а то есть которыя и въ коты. Подѣѣзжаете ближе и слышите — дѣвки пѣсни поютъ:

Весна красна
На чемъ пришла,
На чемъ пришла,
Пришла пріѣхала?
— «На кобылѣ вороной —
«Съ сохою, съ бороной»!

— Что дѣвки пѣсни поютъ? спросить какой нибудь заѣзжій на ту пору въ деревушку: — теперь великій постъ, а здѣсь дѣвки пѣсни поютъ!

— Законъ такъ велить! отвѣтили бы тому заѣзжему человѣку: — вѣдь нонче Благовѣщенье.

— Какъ законъ велить дѣвкамъ великимъ постомъ пѣсни пѣть? будетъ допытываться тотъ: — да еще въ такой большой праздникъ — Благовѣщенье, — до обѣдни!...

— Дѣвки тѣ не пѣсню поютъ.

— Какъ не пѣсню?

— А такъ не пѣсню! отвѣтитъ тотъ, кого спрашивали: — не пѣсню; это весну закликаютъ.

Проѣзжій человѣкъ и изъ этого ничего

не пойметъ, опять станетъ допытываться: какъ это весну закликаютъ, для чего, да почему? И будутъ ему толковать, а онъ все-таки ничего не пойметъ, ничего здѣсь не скажетъ, только, выѣхавши изъ той деревни, всѣхъ дураками обзоветъ.

— Дураки! скажетъ онъ: — великій постъ, такой большой праздникъ, а тутъ дѣвки во все горло пѣсни дерутъ, какую-то весну закликаютъ... Грѣхъ какой творятъ!...

А тутъ и не понимать-то нечего: всякій, кто мало мальски учился, знаетъ, что давно-давно, вотъ ужъ скоро 900 лѣтъ будетъ, какъ русскіе прадѣды нашихъ прапрадѣдовъ православную вѣру приняли, а прежде этого были у нихъ богами — домовый, лѣшій, водяной... вотъ хоть теперь и весна-красна.... Этимъ-то они богамъ прежде и службу справляли, да и до сихъ поръ простой народъ трудно увѣрить, что этихъ домовыхъ да лѣшихъ и на свѣтѣ-то никогда не было. Вотъ хоть бы и весна красна; развѣ это живая вес-

на? Хоть ты ей молись, хоть ты ее брани, весна все таки придетъ; за весной лѣто, а тамъ осень, а тамъ зима; и закликать ихъ нечего. Вотъ простой народъ, не зная порядкомъ ничего, домовыхъ да лѣшихъ ругаетъ, и веснѣ красной по прежнему молится, такъ какъ ей еще до православной вѣры молились, — все еще весну закликаютъ, и по прежнему дѣвки поютъ:

Весна красна,
На чемъ пришла?

Напѣлись дѣвки до сыта и разошлись по домамъ; а дома ужъ обѣдъ собираютъ: накрыли столъ чистымъ настольникомъ, положили ложки, ковригу рѣшотнаго хлѣба, хоть и не чистаго, — этотъ годъ, пожалуй, до нѣвины не дотянетъ, такъ еще съ зимы стали бабы печь изъ муки съ мякиною. Всѣ помолились на иконы и всей семьей сѣли за столъ. Старикъ накроилъ хлѣба, старуха поставила большую чашку варева на столъ; всѣ взяли по ломтю хлѣ-

ба, по ложкѣ и перекрестились. Хлѣбнули по ложкѣ, положили ложки на столъ и заѣли хлѣбомъ; потомъ опять взяли по ложкѣ варева, положить опять ложки, пока хлѣбъ ѣдятъ... и все такъ благочестиво, такъ истово...

— Не прибавить ли еще, родные? спрашиваетъ старуха-хозяйка, увидавши, что въ чашкѣ ужъ варева не стало.

— Подлей! отвѣчаетъ хозяинъ.

Съѣли еще чашку, испили кваску-сыровцу, встали, вышли изъ за стола и всѣ опять стали Богу молиться — за обѣдъ Бога благодарить.

Что же такое они ѣли? Вѣдь нынче Благовѣщенье — праздникъ, разрѣшеніе не только вина и елѣя, да и на рыбу разрѣшеніе, стало быть, и рыбки было въ варевѣ? Нѣтъ, рыбки-то у нихъ не было — въ своемъ прудѣ рыба не водится, а хоть бы и водилась, такъ не про какого нибудь мужика, а про тѣхъ, кто побогаче мужика: отдали бы на откупъ рыбную ловлю въ

прудѣ, а откупщикъ позволилъ бы развѣ взглянуть на рыбу, да и то еще если бы позволилъ, а то и взглянуть не даетъ: — прогонить.... Купить для праздника Господня рыбки? Купилъ бы... да купила-то — не хватило!... Что же они ѣли? А вотъ что: сварила баба щей пустыхъ, да забѣлила ихъ коноплянымъ сокомъ: масла постнаго тоже не хватило...

На другой день всѣ мужики стали собираться къ работамъ, что лѣтомъ идутъ: кто сталъ соху ладить, кто борону справлять, кто сбрую чинить. Послѣ Благовѣщенья скоро за пахатъбу приниматься; не даромъ старики говорятъ, что о Благовѣщенъ и на саяхъ недѣли или переѣздишь или не доѣздишь; а снѣгъ сойдетъ, земля оттаетъ, надо овесъ сѣять: вѣдь овесъ сѣять опаздывать нельзя; и пословица говоритъ: «овесъ сѣй хоть въ золу, да въ пору, а въ дождь сѣй рожь». Придетъ пора сѣять овесъ, тутъ ужь некогда ждать.

Вотъ и совсѣмъ весна наступила: земля

отошла, мужики помолились Богу — засѣ-
яли овесъ, и только стали землю подъ рожь
пахать — а у котораго еще съ изими паръ
поднимать, а тамъ опять за пашню подъ
озимое, гулять некогда — надо еще засѣ-
ять гречиху; а въ петровки другая рабо-
та — сѣнокосъ подойдетъ! Бабамъ тоже свое
дѣло: неньку мять, овесъ полоть, капусту
сажать, а которая и картошку посадить —
тоже дѣла не оберешься!..

Рано утромъ ѣдетъ мужикъ въ полѣ на
своемъ загонѣ или паръ подымать, или въ
другомъ загонѣ овесъ ломать; лошаденка
у него нельзя сказать, чтобъ ужъ очень
на видъ - то хороша была, да за то ло-
шадь, хоть и старая, да выносливая, а
всего то за нее дадено восемь рублей —
только!... стало быть, и красоты отъ нея
ждать большой нечего!.. Приѣхалъ на свой
загонъ, соху поставилъ какъ надо, снялъ
шапку, помолился на востокъ Богу, и при-
нялся пахать; пашетъ, а самъ пѣсню ка-
кую - то замурлычить, то галку кнутомъ

стебнеть — а галокъ за нимъ штукъ семь перелетываетъ: онъ палицей подниметь землю, а съ землею выворотить съ сотню земляныхъ червей; такъ галки, какъ за-видятъ, гдѣ мужикъ пашетъ, такъ за тѣмъ мужикомъ и перелетываютъ!... Пахаль мужикъ, лошаденка у мужика приустала, да и самому пожевать захотѣлось. Выпрегъ онъ свою лошаденку изъ сохи, спуталъ ей переднія ноги и пустилъ на неподнятый еще паръ; а самъ вытащилъ изъ какой-то тряпки круто посоленный кусокъ хлѣба, перекрестился на востокъ, сѣлъ около сохи, сѣлъ свой кусокъ бережно; крошку хлѣбную ронять не годится: хлѣбъ даръ божій! потомъ легъ, заснулъ немножко, а тамъ опять пахать!.. Выпахаль мужикъ уже больше полтосминника, больше осьмой части сороковой десятины; теперь обѣдать пора. Выпрягъ опять онъ лошаденку, оставилъ соху на загонѣ, сѣлъ на нее верхомъ и трушкомъ поѣхаль домой; а въ тому времени и баба съ работы вернулась, со-

брала обѣдъ; мужикъ пообѣдалъ, чѣмъ Богъ послалъ, отдохнулъ, и опять пахать до поздняго вечера.

Бабы, дѣвки тоже цѣлый день, съ ранняго утра до поздняго вечера, на работѣ; мальчишка лѣтъ 10, и тотъ помогаетъ отцу въ полевыхъ его работахъ; мальчикъ десяти лѣтъ ужъ бороноволокъ: прицѣпять борону къ лошаденкѣ, посадятъ верхомъ, онъ и пашню заборонуетъ не хуже большаго мужика, и лошадь напоить, и въ ночное сгонить: тому тоже работа, положимъ, работа не большая, работа веселая, а все-таки работа: не будь мальчугана, пришлось бы самому большому справлять ребячье дѣло. Всѣмъ дѣло, большое дѣло, трудное дѣло!.. и эту трудную работу принесла весна, которая:

Пришла, пріѣхала
На кобылѣ вороной
Съ сохою, съ бороной.

Чего же обрадовался народъ этой крас-

ной веснѣ, которая выгнала поголовно весь народъ изъ дому въ поле? Почему наши прадѣды радовались веснѣ красной — я не скажу, а почему теперь народъ радуется ей — я понять не могу: труды, работа неустанная, непрерывные труды, часто и въ праздники работа, которую и отложить нельзя — вотъ что значитъ весна въ степной полосѣ Россіи. И работаетъ мужикъ безропотно, не скучая работой даже: видно, сама работа эта его занимаетъ. И въ самомъ дѣлѣ, простой человѣкъ только и живетъ своей пашней, ее только одну и любитъ: что ему за дѣло, что какіе-то два короля воюютъ, что какого-то генерала смѣнили? Эти міровыя дѣла тогда только его интересуютъ, когда прямо его касаются; война съ нашимъ царемъ — наборъ будетъ, пожалуй, достанется идти работнику, пахать некому будетъ, нанять надо — надо отстаивать свою землю — кормилицу. Послушайте, о чемъ толкуютъ старики, сидя вечеркомъ по праздникамъ у какой-

нибудь избы на завалинкѣ — все объ однихъ земляхъ, о погодѣ, о дождяхъ.

Работа нѣсколько унялась, не кончилась совсѣмъ — работы и въ вѣкъ не кончить всей, а только что унялась — теперь можно и къ сосѣду въ другой приходъ на праздникъ поѣхать. Престольный праздникъ у мужиковъ празднуется по-возможности хорошо; на этотъ праздникъ по праздничному собираются всѣ родные и пріятели. Всякъ сходитъ въ церковь къ обѣднѣ, а время нѣтъ, то зайдетъ въ церковь Богу свѣчку поставить, и выйдетъ изъ церкви, набожно перекрестясь, а у церкви сидятъ старцы съ чашечкой въ рукѣ, и поютъ стихъ про Лазаря, Егорія, Ѳедора Тиронѣ, да этихъ стиховъ много, а теперь поютъ и про вознесеніе Христово.

Пройдетъ мужикъ мимо старцевъ, подастъ христову милостыню и пойдетъ на ярмарку: кому надо что купить, кому что продать. У мужика къ этому времени пенька готова, а на ярмарку съѣзжаются изъ ближ-

нихъ городовъ купцы, которые скупають пеньку; другому надо лошадь купить, а иной горемыка послѣднюю коровенку тащить; деньги нужны: дома соли, даже, нѣтъ.

Но когда войдешь въ красный рядъ — тутъ уже все смотритъ празднично. По обѣимъ сторонамъ стоятъ палатки изъ холста; самыя ближнія заняты, разумѣется, барскимъ товаромъ: конфектами, чаемъ, помадой, духами работы Мусатова или Ралле, шампанскимъ домашняго приготовления и всѣмъ, чего требуетъ изъ бакалей какой-нибудь не очень прихотливый помѣщикъ или помѣщица. Въ другихъ также красный товаръ барскій: — ситцы, сукна, канифасы; впрочемъ и крестьянскій товаръ здѣсь держатъ; а дальше пойдетъ ужъ одинъ крестьянскій: въ однихъ дешевые пряники, которыхъ никакимъ зубомъ простоу человѣку и не укусить, а которые есть и мягкіе, да ужъ больно не прихотливы — на одномъ суслѣ замѣшаны. Здѣсь, кромѣ этихъ пряниковъ, найдете рожки,

черносливъ, орѣхи разные: и простые каленые, и кедровые, найдете и подсолнечниковъ. А тамъ еще лавки съ краснымъ товаромъ, но съ товаромъ уже простымъ: платки росписные, кушаки, шапки, шляпы...

На ярмаркѣ всякаго мужика, бабу, чествуютъ купцы: какъ бы много покупателей не столпилось въ лавкѣ, торгошъ всѣмъ успѣетъ товаръ, какой кому надо, показать.

— Покажи-ка ситцу получше! говоритъ одна баба купцу, приходи въ лавку съ краснымъ товаромъ.

— А покажи платковъ! приказываетъ другая.

— Съ нашимъ почтеніемъ, отвѣчаетъ купецъ первой бабѣ, выкладывая на прилавокъ нѣсколько кусковъ ситцу.

— А платковъ-то?..

— Какихъ тебѣ, лебедка, требуется? Для старухи какой, или самой носить? такъ и выбирать будемъ.

— Мнѣ поцвѣтнѣй выбери.

— Самой, значить!.. замѣчаетъ купецъ.

— Ты дай мнѣ ситцу показистѣй, требуетъ одна баба: — а то какіе ты показываешь?!..

— Что ни на есть самые лучшіе: всѣ купчихи тотъ ситецъ носятъ!

— Разсказывай!...

— Мнѣ все равно! Я и другихъ покажу... Кому что требуется. Не понравятся ли эти? спрашиваетъ купецъ, показывая другіе ситцы.

— Нѣтъ ли получше платковъ? говоритъ другая баба: — эти какъ будто ужъ не тово!..

— Какихъ же лучше надо? Ты, молодка, взгляни хорошенько: это ли не товаръ? какого тебѣ лучше?

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Большая для Россіи война съ Западомъ застала меня въ харьковской губерніи, въ богоспасаемомъ городѣ Богодуховѣ; а городъ Богодуховъ стоитъ совсѣмъ въ сторонѣ, въ такой глуши, что этому городу приходилось читать газеты по крайней мѣрѣ недѣли двѣ спустя, послѣ выхода ихъ въ Петербургѣ. Газеты, разумѣется, получали сильныя, ежели не всего міра, то всего Богодухова, какъ города, такъ и всего богодуховскаго уѣзда. Знакомые съ почтовою богодуховскою конторою, желавшіе знать газетныя новости, въ день прихода почты приходили въ почтовую контору и ждали съ нетерпѣніемъ прихода почты, а съ этимъ и всякихъ новостей.

Другіе же, не такъ высоко поставленные на ступеняхъ административной іерархіи, довольствовались слухами изъ вторыхъ и третьихъ рукъ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Въ этихъ-то кружкахъ часто приходилось слышать разговоры, рассказы, совершенно немыслимые ни въ какомъ кружкѣ, ни въ Москвѣ, ни въ Питерѣ. И эти разговоры шли не въ какомънибудь мѣщанскомъ или купеческомъ обществѣ, нѣтъ, такъ говорили въ *благородныхъ* обществахъ, въ залахъ дворянъ.

Я разъ былъ у одного помѣщика отъ 10—12 (по старому) душъ; тамъ рѣчь зашла о политикѣ.

— Слышалъ, братъ, Федоръ Ивановичъ, какъ наши-то ребята, — солдаты русскаго царя, работаютъ?

— Слышать-то я слышалъ, да не знаю какъ вамъ и сказать, Андрей Петровичъ, — такія дѣла!

— А вы знаете, какъ дѣло было?..

— Настоящаго-то дѣла я не знаю.

— А вотъ: Турченинъ выслалъ подь нашего царя, своего генерала Калафата, а нашъ русскій царь — своихъ противъ него генераловъ. Наши генералы станутъ изъ пушекъ палить въ того генерала Калафата, а у генерала Калафата шаровары широкія: попадетъ ядро изъ пушки въ тѣ штаны, ядро и запутается. Никакого вреда той турецкой арміи и не сдѣлаетъ. Видитъ русскій царь: — дѣло плохо. — «Дай пошлю, говоритъ русскій царь — подь того Калафата генерала Одесту!»

— Послалъ это русскій царь Одесту! А Одеста-генералъ — человекъ хитрый, хитрый! Одестъ-генералъ сталъ въ Калафата калеными ядрами палить: ядро попадетъ въ штаны Калафату-генералу, штаны загорятся, дай богъ штаны чинить, а куда ужъ тутъ объ арміи думать! А Одестъ-то все палитъ да палитъ! Такъ всю армію Одестъ Калафатову и побилъ! Такъ всю и побилъ!

Въ другихъ кружкахъ, читавшихъ га-

зеты, разговоры шли съ большей сообразительностью.

— Вы знаете: зачѣмъ послали генерала Муравьева подъ Карсъ-городъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— А хотите я вамъ скажу?

— Пожалуйста!

— А вотъ, генералъ Муравьевъ возьметъ Карсъ, а послѣ Эрзерумъ, говорилъ мнѣ богодуховскій политикъ, показывая на карту зувскаго атласа: — а тамъ возьметъ Синопъ, а тамъ подойдетъ къ Скутари... а Скутари у самаго порога Константинополя. Вотъ тогда мы и запремъ англичанина въ черномъ морѣ; а запремъ — никого и не выпустимъ. Константинополь возьмемъ: всѣ выходы запремъ!

Въ Харьковѣ были хоть другіе толки, но немногимъ чѣмъ отстававшіе отъ богодуховскихъ. Черезъ Харьковъ изъ Крыма въ то время изъ подъ Севастополя проѣзжало ежедневно по крайней мѣрѣ четыре курьера въ Петербургъ, съ донесеніями, и

для харьковцевъ въ буквальный смыслъ сбывались слова сказки: по усамъ текло, а въ ротъ не попадало. Курьеры ѣздили, только въ Харьковѣ ни слова никому не говорили, и мы узнавали новости только изъ газетъ, которыя получали изъ Петербурга.

Стали въ Харьковѣ привозить раненыхъ. Назначено было устроить больницы для двухъ, кажется, тысячъ больныхъ. Пересылка раненыхъ въ Харьковъ была больше чѣмъ неудовлетворительна. Одинъ только разъ всѣ были удивлены единогласною благодарностью распорядителю транспорта — всѣхъ находившихся въ этомъ транспортѣ больныхъ, хоть въ транспортѣ и было, кажется, нѣсколько сотенъ, но никто изъ нихъ безъ благодарности не вспоминалъ о начальникѣ транспорта.

Слухи объ этомъ дивномъ начальникѣ ходили въ Харьковѣ такіе:

Въ одинъ прекрасный день, къ генералъ-губернатору приходитъ молодая дѣвушка.

— Квитанцію пожалуйста, ваше превосходительство, говоритъ она генераль-губернатору.

— Какую квитанцію? спрашиваетъ тотъ, никакъ не ожидая отъ этой особы такой просьбы: — какую квитанцію?

— Я раненыхъ изъ подъ Севастополя привезла.

— Ты? Изъ подъ Севастополя?

— Я, ваше превосходительство.

— Какъ такъ?

— Партія-то больныхъ поручена была офицеру. Съ офицеромъ этимъ я давно была знакома, ну и въ Севастополь съ нимъ поѣхала. Изъ Севастополя его и послали въ Харьковъ, съ ранеными. А на дорогѣ — такой грѣхъ случился! — на дорогѣ онъ заболѣлъ! Хорошо еще, что я тутъ случилась! Не стоять же больнымъ середь дороги! Взяла я у него всѣ деньги — кому можно повѣрить деньги? Повѣрить кому, тотъ истратитъ: отвѣчать придется! Вотъ, я взяла деньги, да сама и повезла транспортъ.

— Что же: благополучно ты довезла? спросилъ генераль-губернаторъ.

— Слава богу, ваше превосходительство! Кажется, во всю дорогу ничего дурного не было.

— Много денегъ истратила?

— Много, ваше превосходительство!

— И свои деньги тратила?

— Гдѣ своихъ взять?! У меня и казенныхъ много осталось! Извольте получить! сказала дѣвушка, подавая деньги.

Генераль-губернаторъ взялъ деньги — и ахнулъ. Онъ, зная *справочныя* цѣны, никакъ не думалъ, что бы такъ дешево можно было довести больныхъ до Харькова.

— Только пожалуста, ваше превосходительство, квитанцію прикажите поскорѣй выдать, а то мой-то пожалуй и безъ меня душу богу отдастъ: при-смерти лежитъ.

— Хорошо-ли ты людей довольствовала?

— Кажись всѣмъ довольствовала, ваше превосходительство; ни одинъ солдатикъ во всю дорогу не печаливался.

— А въ книжкѣ у тебя расписывались?

— Какія тамъ книги! Я не грамотная!

— Хорошо, ступай!

— А какъ же квитанцію?

— Приди послѣ!

— Да когда же?

— Хоть часа черезъ три.

— Такъ я стану собираться назадъ, ваше превосходительство: мой-то при-смерти лежитъ.

— Хорошо, хорошо, ступай!

Послали спросить солдатъ: довольны ли они были распоряженіями этой дѣвушки во время пути?

— Матери родной не надо! отвѣчали тѣ: — во всю дорогу сама за всѣми присматривала, сама за всѣми ухаживала!

— Нѣтъ ли отъ кого на нее жалобы?

— Какая жалоба?! Матери родной, и той бы всѣмъ такъ не угодить. Ундерамъ всѣмъ руки прижала.

— Какъ ундерамъ?

— А такъ: какой ундеръ не по ней: —

я тебя арестую, говорить. Ты у меня не балуй! Вотъ всѣ ее и слушали; оттого и порядки были.

Пришла эта дѣвушка опять къ генераль-губернатору; тотъ далъ ей, какъ слухи носились, двадцать пять рублей серебромъ за ея заслуги и отпустилъ.

— Славная была, должно быть, дѣвушка!

Я вамъ передамъ слѣдующій рассказъ ратника.

Живя въ Харьковѣ, трудно было не видать раненныхъ, а ежели кто хотѣлъ поговорить съ ними, то такихъ вещей слышался бы, что долго и не забылъ-бы! Я любилъ съ ними разговаривать, и меня всегда поражало добродушіе солдатъ, а въ особенности ратниковъ. Какъ теперь вижу одного обоянскаго ратника, лежавшаго за ранами въ харьковскомъ временномъ госпиталѣ.

— Гдѣ же тебя угораздило? спросилъ я у него.

— Знамое дѣло — подъ Севастополемъ былъ, подъ Севастополемъ и хватило!

— Да что ты дѣлалъ въ Севастополѣ?

— Палилъ.

— Какъ палилъ?

— Изъ пушекъ палилъ.

— Да вѣдь ты не умѣешь палить?

— Насъ, братецъ ты мой, учили палить изъ пушекъ, отвѣчалъ ратникъ, строго по-смотрѣвъ на меня.

— Учили?

— Цѣлыхъ, братецъ ты мой, три дня учили палить. Палить изъ пушки, не учимшись, совсѣмъ нельзя.

— И въ три дня ты выучился?

— Какъ есть выучился.

— И стрѣлялъ?

— Мало того палилъ: на караулъ стоялъ; всю, значить, службу справлялъ.

— Какъ такъ?

— А вотъ, примѣрно, поставятъ тебя караулить бомбу, ядро; ты какъ завидишь эту бомбу, и долженъ кричать: — бомба!

— Да какъ же ее ты завидишь?

— Это все видно! Вотъ летить, ты и кричишь: — бомба! а то: ядро!

— Какъ же тебя угораздило? повторилъ я свой вопросъ, желая знать: при какихъ обстоятельствахъ былъ раненъ этотъ знатокъ артиллерійскаго дѣла.

— Да какъ хватило бомбой въ землю, да въ стѣну, — то есть стѣнку-ту обломило, меня до половины той землей да камнями и засыпало. Спасибо еще добрымъ людямъ, скоро отрыли, а то бы пришлось и совсѣмъ пропадать!

Меня всегда поражало благодушіе раненыхъ рассказчиковъ объ ихъ подвигахъ, равнодушіе или, лучше сказать, крайнее отсутствіе самохвальства въ разсказахъ людей, бывшихъ въ страшныхъ опасностяхъ. Ежели они не знали пунктиковъ, въ настоящее время уничтоженныхъ, ежели они не умѣли отвѣчать начальству какъ требовалось, за то никто не умѣлъ такъ умирать, какъ умиралъ русскій солдатъ или ратникъ.

Я вамъ расскажу нѣсколько случаевъ изъ временъ Севастопольской войны 1854—55 годовъ.

Собрались ратники; ихъ пріѣхалъ смотрѣть начальникъ.

— За что идешь драться со врагами? спрашивалъ начальникъ одного ратника.

— За вѣру, царя и отечество! бойко отвѣчалъ ратникъ, наученный этому отвѣту своимъ начальствомъ.

А ты? спрашивалъ онъ другого ратника.

— За вѣру, царя и отечество!

— А ты? спросилъ онъ третьяго.

Ратникъ сконфузился и молчалъ.

— Говори же: за что? спрашивалъ начальникъ.

— Да такъ, за бездѣлицу.

— Какъ за бездѣлицу? спросилъ озадаченный начальникъ.

— Да такъ, за бездѣлицу: двѣ мѣрки конопель укралъ.

— Что?!

— Укралъ двѣ мѣрки конопель; баринъ въ ратники и отдалъ.

И вотъ, этотъ-то человѣкъ, такъ глупо отвѣчавшій, рассказывалъ мнѣ про свои подвиги, которыхъ онъ и подвигами не признавалъ. Рассказывая про свои подвиги, онъ также подсмѣивался надъ собой, какъ и при рассказѣ объ этомъ отвѣтъ.

— Бывалъ ты въ сраженіяхъ? спросили этого ратника, когда мы уже съ нимъ вдвоемъ посмѣялись надъ его отвѣтомъ.

— Какъ же: бывалъ! отвѣчалъ тотъ, какъ-то лукаво подсмѣиваясь.

— Гдѣ? въ какомъ сраженіи?

— Да все тамъ же, подъ Севастополемъ.

— Въ какомъ сраженіи?

— Подъ самымъ Севастополемъ.

— Чья-жъ взяла?

— Чья? Знамо дѣло: ихъ!

— Отчего же непременно: ихъ? допытывался я, напередъ предугадывая его отвѣтъ.

— Знамо отчего.

— Да отчего же?

— Измѣна: вотъ отчего!

— Какая же измѣна?

— Ну, самъ разсуди, заговорилъ мой ратникъ: — какъ не измѣна? Собрали всю силу; сколько ни было подъ Севастополемъ нашей силы, всю собрали, собрали и пустили на *него*. Хорошо. Бросились мы на *него*; взяли одинъ порядокъ, взяли другой, кинулись на третій; а взяли бы третій — лоскъ ему-бъ, совсѣмъ лоскъ, какъ есть! А тутъ: Тру-ту-ту! Тру-ту-ту!

— Это что?

— А это въ трубу заиграли, отвѣчалъ ратникъ, съ видимымъ враждебнымъ чувствомъ: — въ трубу заиграли, отступай, значить, назадъ! А зачѣмъ отступать? Два порядка взяли, остался только одинъ третій и вся наша! А тутъ: отступай! Ну нѣтъ, думаемъ, ребята: постоимъ! Ступай впередъ! А нашъ-то дружинный кричитъ: — «Назадъ, ребята, назадъ! Худо будетъ!.. Знамо дѣло, думаемъ: худо будетъ, коли

начальникъ за измѣну взялся! Глядимъ на задъ, а наши то всѣ назадъ побѣжали. Видимъ, однимъ намъ не справиться, ну, и мы за ними бѣжать. А онъ то, какъ сталъ въ насъ палить, палить въ насъ! И сколько тутъ кровопролитія было, и боже мой! А все измѣна!

— Почему же ты думаешь, что измѣна?

— Да вѣдь дружинный то нѣмецъ!

— Какой нѣмецъ! сказалъ я: — онъ и по-нѣмецки ни одного слова не знаетъ.

Я зналъ этого дружиннаго: онъ былъ чисто русскій и про него можно было сказать, что его дѣдъ былъ нѣмецъ, да и тотъ ни слова не зналъ по-нѣмецки; а во внука, кромѣ фамиліи, ничего не было нѣмецкаго.

— Да вѣдь онъ самъ раненъ, говорилъ я, желая разувѣрить подозрительнаго сподвижника.

— Какъ же: безъ обѣихъ ногъ остался!

— А ты говоришь!..

— Да что говорить! перервалъ онъ меня, махнувъ рукой: — что говорить!

Мы помолчали.

— И сколько тутъ ратниковъ было! началъ опять ратникъ: — раненыхъ однихъ, объ убитыхъ я не говорю: убитыхъ — страсть! Одинъ богъ святой знаетъ, сколько было убитыхъ! А раненыхъ сколько!

— Что же: ихъ лѣчили?

— Лѣчить то лѣчили...

— Такъ что же?

— Лежать плохо было!

— Кроватей, я знаю, не было; раненыхъ было очень много, нельзя было кроватей напасть.

— Какія тебѣ кровати!

— Соломки подстелать — и то хорошо, продолжалъ я.

— Куда тебѣ соломки! Собери со всего свѣта солому, и той на эту силу не достало бы! Такъ лежали!

— И всѣ такъ?

— Ну, нѣтъ! Которые попадались въ милосердымъ, тѣмъ хорошо было: лѣкарствами лѣчутъ, чаемъ тебя пѣютъ, мало того — и поплачутъ надъ тобой.

Я живо себѣ представляю, какъ должны были дѣйствовать женскія слезы на солдатъ и ратниковъ среди всѣхъ ужасовъ Севастопольской войны.

— А страшно было?

— Какъ не страшно!

— Какъ же вы впередъ всѣ шли и назадъ вернуться не хотѣли?

— Да вѣдь онъ пришелъ вѣру нашу рушить, порядки свои у насъ заводить! Тутъ некогда, другъ душевный, думать: что страшно, что не страшно!

Это мужество поразительно! Это не дикая дерзость, не безумная храбрость, — нѣтъ! Здѣсь человѣкъ, сознавая всю опасность, признавалъ необходимость подвергать свою жизнь этой опасности, чтобы спасти свою вѣру и свои порядки.

Слышалъ я другой разсказъ.

— Страшно было! говорить одинъ раненый ратникъ.

— Чего же страшно?

— Какъ не страшно? Стоимъ мы эдакой кучечкой; какъ хватить ядромъ, — парню голову и отхватило. Смотримъ и не признать, кто лежитъ: не то Ванюха Сѣрыхъ, не то Ванька старостинъ; безъ головы лежитъ, — и не признаешь! Послѣ уже узнали, что Ивану Сѣрыхъ голову снесли.

— А все стояли?

— Все стояли, потому нельзя: онъ про-
рветъ.

ОТРЫВКИ БЕЗЪ КОНЦА И НАЧАЛА.

I.

Воля.

— Какъ прослышали мы эту волю, говорили мужики послѣ обнародованія манифеста 19 февраля 1861 года, — какъ прослышали мы эту волю, сами себѣ не вѣримъ! Столько прежде говорили, что ужъ всякую вѣру потеряли! Одначе воля пришла: самъ чиновникъ изъ губерніи пріѣхалъ, привезъ волю, собралъ сходку, съ каждаго двора по человѣку, а и два — ничего. Сталъ толковать сходкѣ. Потолковавши сколько ему было нужно, говорить: а кто у васъ, ребята, старше всѣхъ? — Мы глянули другъ на дружку, да и говоримъ:

— «Старше старосты у насъ человѣка нѣту».

— Нѣтъ, говоритъ чиновникъ — староста старше всѣхъ васъ чиномъ, а мнѣ укажите: кто старше всѣхъ годами?

Мы опять переглянулись промежъ собою.

— «Годами старше Арсенія Петрова у насъ старика нѣту: Арсеній Петровъ самый старый у насъ старикъ».

— Ну, подойди сюда, ко мнѣ, Арсеній Петровъ! кликнулъ чиновникъ.

Подошелъ этотъ самый Арсенъ Петровъ.

— На, говоритъ чиновникъ: — на тебѣ волю, держи! А самъ суетъ ему въ руки книгу, ту самую волю, Арсенъ такъ и упалъ на колѣночки:

— «Я человѣкъ, говоритъ, — старый; не смогу сдержать воли!»

Арсенъ сробѣлъ. Кланялся, кланялся, а все таки волю ему на руки сдали.

Взяли эту волю: читать надо, что въ той волѣ сказано. У насъ дьячекъ есть, Авонькой зовутъ; малый шустрый и писъ:

менный тоже; порядили того дьячка Аеоньку волю читать: запросилъ полтинникъ денегъ, полштофа водки, — дали! Только сталъ читать дьячекъ эту волю — не могитъ читать той воли! А для того не могитъ, что та воля на четыре грани написана: и туда верни, и сюда верни, а намъ читай всю волю сряду!

Такъ даромъ и отдали и водку, и деньги!

Можетъ знаешь у Афросимовскихъ садовникъ есть, въ Москвѣ учился; вотъ тотъ можетъ волю читать! Тотъ объявилъ: штофъ водки и цѣлковый денегъ!.. Что же ты думаешь: вѣдь еще полштофа надбавили!.. Какъ сталъ читать съ утра, такъ только на другой день къ вечеру кончилъ: половина барщины спитъ, другая слушаетъ. Половина барщины спитъ, другая слушаетъ. Такъ и прочиталъ!

— Что же вы поняли? спрашивалъ я тѣхъ мужиковъ.

— А что поняли?!. Тебѣ говорятъ: та воля на четыре грани написана.

— Для чего же вы читали ту волю?

— А такъ, другъ любезный, законъ велить! А мы, другъ любезный, отъ закону не прочь!..

Я бы не сталъ рассказывать этого случая, еслибъ онъ было рѣдкимъ исключеніемъ; крестьяне нанимали читать волю выгнанныхъ дьячковъ, подьячихъ, да промотавшихся помѣщиковъ. И должно сказать правду: эти люди читали *волю* добросовѣстно; желаніе ли добра крестьянамъ, боязнь ли страшной отвѣтственности за ложное толкованіе, то ли и другое вмѣстѣ дѣйствовало на чтецовъ, но я не встрѣчалъ ни одного умышленнаго толкователя изъ этихъ грамотѣевъ-чтецовъ, да изъ чтецовъ вообще было мало толкователей; всѣ боялись ошибиться, а ошибиться было легко!.. Многихъ изъ этихъ чтецовъ ловила полиція, но кажется ни одного не нашла виновнымъ.

II.

Трехденка.

Мужики вычитали въ положеніи *трехденку*: три дня работать на барина, три на себя. Воля пришла въ началѣ великаго поста, а въ это время въ деревняхъ работъ почти никакихъ нѣтъ. Вдругъ являются на барскій дворъ всѣ крестьяне поголовно, отъ мала до велика: и старые старики, и старухи, и дѣти, и взрослые — всѣ, сколько ихъ было.

— Что вамъ, братцы, надо? спрашивалъ помѣщикъ: — Зачѣмъ пришли?

— Работать, батюшка, работать, отвѣчали и мужики и бабы.

— Теперь работать нечего, отвѣчалъ имъ баринъ: — работы нѣтъ никакой.

— Что хочешь заставъ дѣлать, батюшка!

— Я же вамъ говорю, что теперь работы у меня для васъ нѣтъ никакой.

— Теперь, батюшка, нельзя не работать! Заставъ хоть чтонибудь работать.

— Не нужна мнѣ нынче ваша работа: ступайте домой!

— Нельзя этого сдѣлать, — это дѣло не твое: указано быть трехденкѣ, мы на трехденку и пришли... Сдѣлай милость: заставь что нибудь работать!

— Ну, чистите дворъ, когда хотите! приказалъ баринъ и ушелъ отъ нихъ.

— Народу собралось до двухсотъ человекъ; дворъ былъ до 200 квадратныхъ сажень; дворъ вычищенъ въ одну минуту, но работники не уходили съ барщины, а тутъ же копались на дворѣ.

— Ступайте домой, ребята! сказалъ имъ помѣщикъ, опять выходя къ нимъ: — Кончили работу?..

— Давай работы еще!

— Да нѣту, братцы, работы никакой нынче, отвѣчалъ имъ помѣщикъ.

— Можно ли идти домой? спрашивали мужики недовѣрчиво.

— Можно, можно, братцы! уговаривалъ ихъ баринъ.

— Не было бы намъ худо? Не было бы намъ бѣды отъ этого какой?

— Не будетъ бѣды, не будетъ ни какого худа. Ступайте домой!

Мужики разошлись по домамъ.

Мужики праздники свои берегутъ и *трехденку* (о которой сказано выше) соблюдаютъ, и къ своему барину на четвертый день въ недѣлѣ ни за какія деньги работать не пойдутъ и не наймутся. Миѣ случалось часто видѣть у Ивана работниковъ, нанятыхъ на четвертый день въ петровой деревнѣ, и у Петра — изъ ивановой: у своего же барина не хотѣли наниматься ни за какую плату.

Отказывались барину работать на четвертый день, совсѣмъ не изъ желанія сдѣлать барину зло, а часто даже сожалѣя о баринѣ, горюя, что баринъ трехденкой, по закону положенной, не справится съ своими работами, а нанять работниковъ негдѣ.

Въ годъ эмансипаціи хлѣбная уборка была не хороша: непрерывные дожди мѣшали убирать съ поля хлѣбъ, такъ что работай и всю недѣлю, — хлѣбъ все таки попортился бы въ полѣ, а тутъ еще трехденка господъ прихлопнула! Что тутъ дѣлать! Въ одной деревнѣ мужики видятъ, что барскій хлѣбъ въ полѣ гниетъ — на трехденку дожди шли, а теперь вотъ и хлѣбъ обсохъ, такъ трехденка кончилась.

И порѣшили: чѣмъ-свѣтъ запречь сколько у кого есть лошадей и возить барскій хлѣбъ на барское гумно, а передъ обѣдомъ, какъ барину выѣзжать на поле, — баринъ постоянно выѣзжалъ на поле передъ обѣдомъ, — всѣмъ ѣхать домой, чтобъ баринъ не зналъ, кто именно возилъ, и, слѣдовательно, не могъ ни на кого сослаться.

Эта продѣлка была во многихъ мѣстахъ, и многіе помѣщики обидѣлись такимъ недоувѣріемъ крестьянъ. Одинъ же помѣщикъ созвалъ мужиковъ, поднесъ имъ водки и спрашивалъ: кто возилъ, кто первый при-

думалъ такую штуку? Но ему никого не назвали:

— Я знаю, что вы перевезли хлѣбъ, отчего же вы не хотите сказать: кто? спрашивалъ помѣщикъ.

— Да на что тебѣ знать? Благо что перевезенъ хлѣбъ, ну, и славу богу!

— Я хочу за тѣхъ, кто хлѣбъ возилъ, казенныя подати за этотъ годъ заплатить...

Но мужики и на это не поддались: водки выпили, а все таки не сказали, кто хлѣбъ возилъ.

III.

До воли.

Въ псковской губерніи одна помѣщица жила постоянно въ очень хорошихъ отношеніяхъ къ своимъ крестьянамъ, и никогда ни она на мужиковъ, ни мужики на нее не жаловались; только въ одинъ прекрасный день они собрали сходку и порѣшили, что они вольные... Надобно замѣтить, что это было очень за долго до под-

нятія вопроса объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости... И такъ, порѣшивъ, что они вольные, мужики послали четырехъ выборныхъ къ барынѣ съ этимъ извѣстіемъ. Барынѣ сказали объ ихъ приходѣ, и та вышла къ нимъ.

— Что вамъ надо? спросила она.

— Да къ твоей милости, отвѣчали тѣ.

— Что же надо?

— Міръ прислалъ.

— Зачѣмъ же?

— Да объявить твоей милости, что мы стали теперь вольные.

— Какъ-такъ?

— Да такъ: становому указъ пришелъ сказать намъ волю.

— Чтожь онъ: сказалъ вамъ волю?

— Нѣтъ, не сказывалъ.

— Отчего же?

— Да такъ!

— Отъ кого же вы это слышали?

— Солдатикъ приходилъ, такъ сказывалъ.

— Ну, коли такъ, то я не хочу мѣшать вамъ: соберите сходку, позовите становаго, и пусть онъ вамъ скажетъ волю, коли указъ у него есть.

— Благодаримъ покорно, матушка.

Выборные пришли на сходку, объявили, что имъ сказала барыня, и сейчасъ же послали за становымъ.

Становому вѣрно сказали, зачѣмъ его зовутъ; онъ немедленно пріѣхалъ прямо къ сходкѣ, не заходя къ помѣщицѣ.

— Что надо, ребята? спросилъ онъ, За чѣмъ меня звали?

— Да вотъ, батюшка, твое благородіе, повѣсти намъ волю: окажи твою милость.

— Какъ же я это сдѣлаю?

— Да у тебя указъ есть про волю; ты этотъ то указъ и прочитай намъ.

— Такого указа, братцы, нѣтъ у меня, и читать, стало быть, нечего.

Уѣхалъ становой; сходка послала къ барынѣ четырехъ выборныхъ.

— Что скажете? спросила ихъ барыня.

— Былъ становой: указа то нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да нѣту!

— Какъ же теперь жить станемъ? спросила выборныхъ барыня.

— Да какъ жить?! Надо по старому.

— А по старому, такъ по старому!

IV.

Сходка.

Мірскую сходку прежде имѣлъ право всякъ собирать; теперь это очень недавно запрещено: позволено собирать сходку только мірскому старостѣ. Сходка имѣла право суда, даже уголовнаго, безъ апелляціи; постановлять новые праздники, запрещать въ извѣстные дни извѣстныя работы; эти законы, уложенные въ извѣстной деревнѣ, должны были быть святы для всякаго, кто случайно приходилъ въ эту деревню, по пословицѣ: въ чужой монастырь со своимъ

уставомъ не ходять. Въ настоящее время сходку дозволяется собирать, какъ и сказалъ, только старостѣ.

Все это для мужиковъ ново; что же мудренаго, что они иногда грѣшатъ противъ неизвѣстнаго для нихъ закона, дѣйствуя по стариннымъ обычаямъ, не отмѣненнымъ, по ихъ мнѣнію, никакимъ новымъ указомъ. Въ началѣ воли многія деревни положили на сходкѣ: въ извѣстные дни не работать, считать за праздники. Мужичіе праздники часто не сходятся съ барскими, а тѣмъ болѣе съ календарскими; торжественныхъ дней мужики не знаютъ, но за то крѣпко вѣрятъ, что въ Ильинъ день работать нельзя: будешь работать въ Ильинъ день — хлѣба не будетъ, на Бориса и Глѣба — не будетъ хлѣба, на Царя-града *) побьетъ хлѣбъ градомъ. Еще должно прибавить,

*) 11 мая празднуется обновленіе Царя-града, и мужики празднуютъ не Царя-града, а царя-Града, что хлѣбъ побиваетъ въ полѣ.

что въ извѣстные дни нельзя работать только извѣстную работу: нельзя косить, нельзя жать хлѣба, но можно возить, вязать, сѣно грестъ; по пятницамъ нельзя прясть, платье золовать — золой мыть, но безъ золы, чистой водой — грѣха нѣтъ.

Вотъ и положили мужики праздники, и сами соблюдали ихъ строго, и за другими смотрѣли; а какъ по закону со своимъ уставомъ въ чужой монастырь не ходятъ, — то запрещали и наемнымъ работникамъ пахать въ свои уложенные праздники барскую землю. Пошли жалобы безъ числа, но мужики въ свои праздники все таки не работали, и въ своихъ деревняхъ другимъ на барской землѣ работать не позволяли.

— Что вы, братцы, шумите? говорилъ я не разъ мужикамъ, не позволявшимъ работать на барской землѣ вольнонаемнымъ работникамъ.

— Работать нынче у насъ никому нельзя.

— Отчего же?

— А оттого: сталъ работать разъ, одинъ только годъ, на Царя-града, такъ и пойдешь работать до окончанія вѣка! отвѣчали мнѣ постоянно. А я спрашивалъ объ этомъ болѣе чѣмъ въ семи губерніяхъ.

— Ну, вы и не работайте сами! Зачѣмъ же другимъ запрещать работать?

— Э! Все равно заставятъ цѣлый вѣкъ на тотъ праздникъ на барщину работать!

— Это же почему?

— Потому, господа скажутъ: такіе же мужики у насъ работали на Ильинъ день, а вотъ эти не хотятъ!.. Ну, разумѣется, и заставятъ... Что сдѣлаешь?

Откуда же эти слухи, откуда же толкованія? не разъ любопытствовалъ я. И мужики обыкновенно, безъ всякаго замѣшательства, указывали мнѣ на лицо, рассказавшее имъ въ родѣ этой какую нибудь небылицу; лица эти были солдатики, выгнанные чиновники...

Пріѣзжаетъ одинъ господинъ, сдѣлавшій улучшенія въ своихъ деревняхъ, въ одну

изъ улучшенныхъ своихъ деревень. Была собрана сходка.

— Ну, братцы, каково поживаете? спросилъ господинъ у собравшейся сходки.

— Спасибо, батюшка! По твоей милости живемъ — славу богу! отвѣчали изъ сходки.

— А когда, старики, было лучше жить: теперь или прежде? При мнѣ или до меня?

— До тебя, батюшка, какіе порядки были? Никакихъ порядковъ не было! какъ пошли новые порядки, пошла и жизнь новая — не въ примѣръ лучше прежней. Спасибо твоей милости за порядки!

— Живите, братцы, хорошенько: теперь жить хорошо; будете жить хорошо — сдѣлаю еще лучше.

Вдругъ всѣ въ ноги.

— Батюшка, не дѣлай лучше! И теперь такъ хорошо, что жизнь коротка, сдѣлаешь лучше — просто жить нельзя будетъ.

Господинъ, какъ видно, старался сдѣлать *лучше* и признавалъ, что онъ сдѣлалъ *лучше*.

ше, а на дѣлѣ вышло, что для лучшаго — жизнь коротка.

Въ нижегородской губерніи лѣтъ сорокъ назадъ, еще до основанія министерства государственныхъ имуществъ, нѣсколько десятковъ тысячъ душъ было приписано къ казенному конному заводу, и надъ этими крестьянами былъ поставленъ офицеръ — начальникъ, и его крестьяне очень любили: онъ ихъ не притѣснялъ и по судамъ не волочилъ — а второе, по мнѣнію крестьянъ, еще лучше перваго. — Одинъ разъ къ нему привели крестьяне мужика той же деревни, въ которой жили и сами, и объявили, что приведенный мужикъ укралъ у одного изъ нихъ лошадь. Тотъ, по обыкновенію, отвѣчалъ: — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю! — Но улики были такъ сильны, что начальникъ ему прямо сказалъ:

— Признаешься — за лошадь заплатишь,

я тебя высѣку; а какъ большая вина, то и больно высѣку; а не признаешься — отдамъ подъ судъ. Изъ всего видно, что ты укралъ лошадь, тебя подъ плети подведутъ. Теперь я все сказалъ: какъ знаешь, такъ и дѣлай!

Тотъ, подумавши, повинился, заплатилъ за лошадь и былъ наказанъ.

Деревня была зажиточная и ни у одного изъ крестьянъ ни воровъ, ни плутовъ въ роду не было, а потому всѣ стали упрекать въ глаза этого мужика воровъ. А какъ есть и еще пословица: «Не пойманъ, не воръ», то онъ захотѣлъ избавиться отъ нареканія доносомъ.

Вскорѣ послѣ этого происшествія, пріѣхалъ изъ Петербурга, по словамъ крестьянъ, какой-то генералъ-ревизоръ. Когда, по принятому правилу, начальникъ былъ удаленъ со сходки и уѣхалъ, ревизоръ спросилъ: «Нѣтъ-ли недовольныхъ начальникомъ?»

— Есть! отвѣчалъ крестьянинъ, укравшій у сосѣда лошадь.

— Какая твоя претензія?

— Начальникъ меня высѣкъ.

— За что?

— А такъ: ни дай, ни вынеси!

— Это правда?

— Правда, какъ передъ богомъ!

— Правда, старики? спросилъ начальникъ у крестьянъ сходки.

— Вретъ, ваше благородіе! Обманываетъ тебя, батюшка! загалдила вся сходка.

— Да высѣкъ его онъ? спросилъ начальникъ, видя всеобщее негодованіе.

— Высѣкъ! Что правда, то правда!

— За что?

— А вотъ за что... И было рассказано все дѣло, какъ оно было.

— Мало тебя пороли, сказалъ ревизоръ-генераль и пошелъ обѣдать къ начальнику.

Ревизоръ уѣхалъ, не сказавъ ни слова начальнику; тѣмъ бы дѣло должно было, казалось, и кончиться; но оно едва не имѣла очень непріятныхъ для укравшаго лошадей послѣдствій.

Наши крестьянскія семейства хвалятся:

Что у насъ въ роду воровъ не было,
Ни воровъ, ни плутовъ, ни разбойниковъ.

Цѣлыя общества хвалятся тѣмъ, что у нихъ воровъ отъ вѣку не было, а также и ябедниковъ, и доносчиковъ. Мнѣ случилось слышать нѣсколько разъ: Ступай куда хочешь, спроси про нашу деревню: никто дурнаго слова не скажетъ; это не то, что вотъ взять, Гора-Липовица: тѣ еще за нашихъ дѣдовъ конокрадами сльвуть. Въ числѣ другихъ и это село, о которомъ идетъ рѣчь, славилось тѣмъ, что у нихъ еще за дѣдовъ не было ни ябедниковъ, ни доносчиковъ, а потому крестьяне были возмущены доносомъ, да еще неправымъ, своего сочлена.

Передъ вечеромъ крестьяне позвали на судъ доносчика въ мірскую избѣ.

— У насъ отродясь доносчиковъ не было, стали они говорить: — а вотъ онъ сталъ ябедникомъ; а для того на расправу!...

И начали съ нимъ справляться по своему.

Преступникъ закричалъ благимъ матомъ и, на его счастье, староста услышалъ его крики, прибѣжалъ въ избу и перерубилъ веревку, которой былъ привязанъ доносчикъ, и немедленно поѣхалъ за начальникомъ.

— Что вы, братцы, хотите дѣлать? спрашивалъ прискакавшій, испугавшійся начальникъ: — Бѣда будетъ!

— За тебя, батюшка, ваше благородіе! отвѣчали мужики: — вѣдь на тебя доносилъ...

За любовь спасибо, братцы, только киньте это дѣло: всѣмъ — и вамъ и мнѣ — будетъ бѣда!

— Какая тутъ бѣда! мѣръ приговорилъ: стало по правдѣ; безъ вины не стали бы его наказывать.

И начальнику большихъ трудовъ стоило убѣдить крестьянъ, что истязать они не имѣютъ права.

V.

Порубки.

Замѣчательно, что уголовныхъ преступленій, съ учрежденія мировыхъ посредниковъ, стало значительно меньше. Мнѣ говорили многіе мировые посредники, что съ самаго начала ихъ службы міру, въ ихъ участкахъ не было ни одного уголовного дѣла; вообще на мирового посредника смотрятъ не какъ на чиновника, а какъ на міроваго слугу, на мірскаго, своего человѣка, а своего человѣка бояться нечего. Правда, что въ большой семьѣ не безъ уroda, поэтому и въ большой семьѣ мировыхъ посредниковъ, вѣроятно, найдутся люди, невѣрно понимающіе свои обязанности и отношенія къ міру, но мировые посредники все-таки величайшее благо и для крестьянъ и для господъ: одно то уже, что дѣла рѣшаются быстро, многое выкупаетъ: нѣтъ проволочекъ, нѣтъ лишней, бесполезной траты времени.

Послѣ обнародованія положенія, но когда еще не было мировыхъ посредниковъ, была подана просьба однимъ помѣщикомъ на своихъ крестьянъ: помѣщикъ обвинялъ крестьянъ въ дневномъ грабежѣ. Крестьяне пріѣхали изъ другой его деревни въ сумскую деревню, кажется за сто верстъ, срубили столько-то деревьевъ; цѣна каждому дереву одинъ рубль серебромъ: всего вышла довольно круглая цифра. Пошло слѣдствіе, стали выписывать мужиковъ изъ деревень за сто верстъ въ городъ.

— Какъ было дѣло? спросилъ судебный слѣдователь одного изъ вызванныхъ въ городъ мужиковъ, которыхъ спрашивать должно было по-одиначкѣ.

— Какъ было дѣло, грѣхъ такой случился! отвѣчалъ мужикъ: — Привезли мы барину изъ нашей деревни на восьми, кажется, подводахъ хлѣбъ; привезли ввечеру, ссыпали и поѣхали домой; отѣхавши отъ этой деревни версты двѣ, не доѣзжая до того лѣса, остановились ночевать въ полѣ.

— Отчего же вы не ночевали въ деревнѣ, а поѣхали въ поле? спросилъ слѣдователь.

— Какъ можно въ деревнѣ! Чѣмъ же въ деревнѣ кормить лошадей? А въ полѣ, отпрегъ лошадь, пустилъ на дорогу — лошадь и сыта!.. Мы такъ споконъ вѣку ѣзжали.

— Ну, хорошо! А дальше какъ дѣло было?

— Поутру встали, запрягли лошадей, поѣхали; ѣдемъ лѣсомъ, — а лѣсъ-то нашъ: — думаемъ, срубимъ себѣ по парѣ оглобель, благо топоръ съ нами есть.

— Лѣсъ барскій, а не вашъ, замѣтилъ судебный слѣдователь: — Въ барскомъ лѣсу нельзя безъ спросу рубить.

— Мы того не знали: прежде всегда рубили; для себя руби сколько хочешь; на продажу только не смѣй. А запрету мы ни отъ кого не слыхали. Вотъ и вырубили по парѣ оглобель, поѣхали. Около обѣдовъ остановились кормить тоже въ полѣ, подъ лѣсомъ.

— Отчего же вы въ этомъ лѣсу не вырубите, а рубили прежде? Изъ другаго лѣса было и везти ближе?

— Изъ этого лѣсу нельзя хворостинки вырубить: лѣсъ не нашъ; а то, пожалуй, и еще ближе лѣсъ есть: у насъ подъ самой нашей деревней есть лѣсъ, да не нашъ, а чужой: какъ же ты его возьмешь?!... Только отпрягли лошадей, пустили, а тутъ и ѣдетъ прикащикъ барскій.

— «Рубили барскій лѣсъ?» спрашиваетъ прикащикъ. — Вырубите, говоримъ, по парѣ оглобель, а кто и двѣ парочки. — «Какъ вы смѣли рубить барскій лѣсъ?» говоритъ прикащикъ. — Мы ни отъ кого запрету не слышали, говоримъ мы. — «Вотъ ужъ вамъ будетъ запретъ!»... Переписалъ сколько кто нарубилъ, отдалъ намъ записку. «На-те, говоритъ, записку, отдайте вашему старостѣ, и лѣсъ ему сдайте!» Мы пріѣхали домой, отдали и записку и лѣсъ барскому старостѣ... Только и всего.

— Что стоитъ, по вашему мнѣнію, лѣсъ, который вы вырубили? спросилъ, наконецъ, слѣдователь.

— Сказать тебѣ по-божьему: и цѣны не знаемъ, отвѣчалъ спрошенный мужикъ.

— Какъ же не знаешь?

— Да ты посуди: въ городѣ пара оглобель стоитъ пяталтынный; а тутъ надо дерево срубить, обдѣлать оглоблю, привезти въ городъ, да простоять сколько времени, пока продашь оглоблю ту... Ну, самъ и считай что стоитъ!

— Почему же положить?

— Почему хочешь положи, да возьми поскорѣй деньги — только отпусти, только еще насъ не тревожь; вотъ и такъ который разъ приходимъ въ городъ, болтаемся, а вѣдь дома работа!

— Не крали бы барскаго лѣса!

— Да развѣ такъ крадутъ?!... Поутру украсть, днемъ везти по большой дорогѣ у всѣхъ на виду!... И добро бы что? а то пару оглобель? Говорятъ: отняли у насъ.

Кто у насъ отнималъ? Никто не отнималъ; прикащикъ только переписалъ, да и велѣлъ отвезти; мы и отвезли и отдали барскому старостѣ; тотъ ихъ положилъ. ...Посмотри и теперъ — всѣ до одной оглобелки цѣлы; никто не покорыстовался.

Какъ ни хотѣлъ судебный слѣдователь поскорѣе кончить это дѣло, но не могъ: должно было послать въ другую губернію отношеніе къ кому-то, чтобъ оцѣнилъ лѣсъ.

Чѣмъ кончилось дѣло и кончилось ли еще, — я не знаю; но мужиковъ еще требовали въ городъ, хотя въ послѣдствіи открылось, что они говорили правду...!

**ПЕТЕРБУРГСКІЕ
ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ.**

ОЧЕРКИ ВСЕВ. КРЕСТОВСКАГО,

Спб. 1865 г. 186 стр. Ц. 50 к.

БѢГЛЯНКА.

РОМАНЪ С. СЛАВУТИНСКАГО. 2 ТОМА.

Спб. 1865 г. 425 стр. Ц. 1 р. 50 к.

**САТИРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ
ПЕТРА ГОРСКАГО.**

2 части. Съ 10 рисунк. 350 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

ДНЕВНИКЪ ДѢВУШКИ.

РОМАНЪ

Графини Е. П. Ростопчиной.

**ПОЭМЫ, НОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ
И НОВѢЙШІЯ МЕЛКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ**

Графини Е. П. Ростопчиной.

2 тома, 776 стр. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

При требованіи всѣхъ 14 томовъ, они уступаются за 8 рублей съ пересылкою. (вмѣсто 10 р. 25 к.)

Требованія просятъ адресовать: Вас. Егоровичу Генке-лю, въ С. Петербургѣ, у Пѣвчesk. мcста, № 5 и 12.

Дозволено ценсурою. С.-Петербургъ, 8 Ноября 1866 г.

БИБЛІОТЕКА
РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ
ПИСАТЕЛЕЙ.

ИЗДАНИЕ В. Е. ГЕНКЕЛЯ.

ЯКУШКИНЪ. БЫВАЛОЕ И НЕБЫВАЛЬЩИНА.

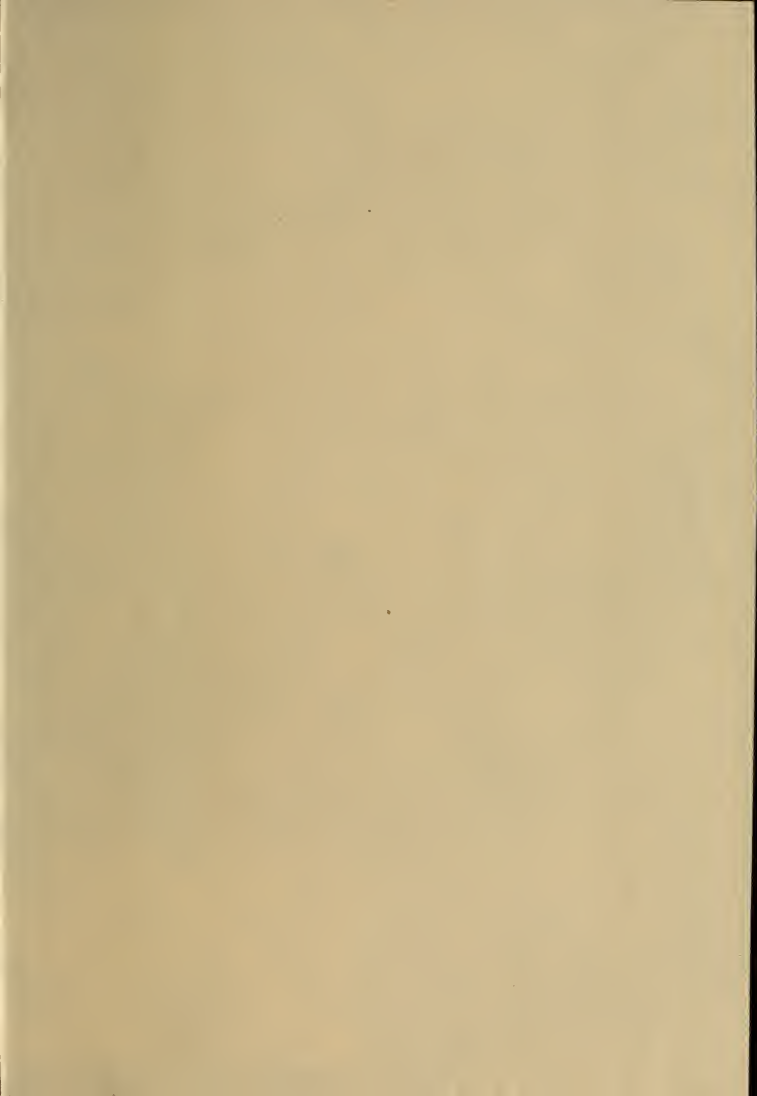
ЦѢНА 60 КОП.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ печати В. Головина, у Владимірской, № 15.

1867.

3 107 4

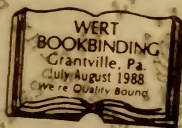

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

Preservation Technologies

A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION

111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

WERT
BOOKBINDING
Grantville, Pa.
July-August 1988
We're Quality Bound

